

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ.

СЛАБОЕ СЕРДЦЕ.

ПОВѢСТЬ.

Im Werden Verlag
München — Москва
2008

Подъ одной кровлей, въ одной квартирѣ, въ одномъ четвертомъ этажѣ, жили два молодые сослуживца, Аркадій Ивановичъ Нефедевичъ, и Вася Шумковъ... Авторъ, конечно, чувствуетъ необходимость объяснить читателю, почему одинъ герой названъ полнымъ, а другой уменьшительнымъ именемъ, хоть бы, на примѣръ, для того только, чтобъ не сочли такой способъ выраженія неприличнымъ и отчасти фамиллярнымъ. Но для этого было бы необходимо предварительно объяснить и описать и чинъ, и лѣта, и званіе, и должность и, наконецъ, даже характеры дѣйствующихъ лицъ; а такъ-какъ много такихъ писателей, которые именно такъ начинаютъ, то авторъ предлагаемой повѣсти, единственно для того, чтобъ не походить на нихъ (т. е., какъ скажутъ, можетъ-быть, нѣкоторые, въ-слѣдствіе неограниченнаго своего самолюбія) рѣшается начать прямо съ дѣйствія. Кончивъ такое предисловіе, онъ начинаетъ.

Вечеромъ, наканунѣ новаго-года, часу въ шестомъ, Шумковъ воротился домой. Аркадій Ивановичъ, который лежалъ на кровати, проснулся и въ полглаза посмотрѣлъ на своего пріятеля. Онъ увидалъ, что тотъ былъ въ своей превосходнѣйшей партикулярной парѣ и въ чистѣйшей манишкѣ. Это, разумѣется, его поразило. «Куда бы ходить такимъ образомъ Васѣ? да и не обѣдалъ онъ дома!» Шумковъ, между-тѣмъ, зажегъ свѣчку, и Аркадій Ивановичъ немедленно догадался, что пріятель собирается разбудить его нечаяннымъ образомъ. Дѣйствительно, Вася два раза кашлянулъ, два раза прошелся по комнатѣ и наконецъ совершенно-нечаянно выпустилъ изъ рукъ трубку, которую было-сталъ набивать въ уголку, возлѣ печки. Аркадія Ивановича взялъ смѣхъ про себя.

— Вася, полно хитрить! сказалъ онъ.

— Аркаша, не спишь?

— Право, навѣрно не могу сказать; кажется мнѣ, что не сплю.

— Ахъ, Аркаша! здравствуй, голубчикъ! Ну братъ! ну братъ!.. Ты не знаешь, что я скажу тебѣ!

— Рѣшительно не знаю; подойди-ка сюда.

Вася, какъ-будто ждалъ того, немедленно подошелъ, никакъ не ожидая, впрочемъ, коварства отъ Аркадія Ивановича. Тотъ какъ-то преловко схватилъ его за руки, повернулъ, подвернулъ подъ себя, и началъ, какъ говорится «душить» свою жертвочку, чтó, казалось, доставляло неимовѣрное удовольствіе веселому Аркадію Ивановичу.

— Попался! закричалъ онъ: — попался!

— Аркаша, Аркаша, что ты дѣлаешь? Пусти, ради Бога, пусти, я ффракъ замараю!..

— Нужды нѣтъ; зачѣмъ тебѣ ффракъ? зачѣмъ ты такой легковѣрный, что самъ въ руки даешься? Говори, куда ты ходилъ, гдѣ обѣдалъ?

— Аркаша, ради Бога, пусти!

— Гдѣ обѣдалъ?

— Да про это-то я и хочу рассказать.

— Такъ рассказывай.

— Да ты прежде пусти.

— Такъ вотъ нѣтъ же, не пущу, пока не расскажешь!

— Аркаша, Аркаша! да понимаешь ли ты, что вѣдь нельзя, никакъ невозможно! кричалъ слабосильный Вася, выбиваясь изъ крѣпкихъ лапъ своего непріятеля: — вѣдь есть такія матеріи...

— Какія матеріи?..

— Да такія, что вотъ о которыхъ начнешь рассказывать въ такомъ положеніи, такъ теряешь достоинство; никакъ нельзя; выйдетъ смѣшно — а тутъ дѣло совсѣмъ не смѣшное, а важное.

— И ну его, къ важному! вотъ еще выдумалъ! Ты мнѣ рассказывай такъ, чтобъ я смѣяться хотѣлъ, вотъ какъ рассказывай; а важнаго я не хочу; а то какой же ты будешь пріятель? вотъ ты мнѣ скажи, какой же ты будешь пріятель! а?

— Аркаша, ей-Богу, нельзя!

— И слышать не хочу...

— Ну, Аркаша! началъ Вася, лежа поперегъ кровати и стараясь всѣми силами придать какъ-можно-болѣе важности словамъ своимъ: — Аркаша! я, пожалуй, скажу; только...

— Ну чтò!..

— Ну, я помолвилъ жениться!

Аркадій Ивановичъ, не говоря болѣе празднаго слова, взялъ молча Васю на руки, какъ ребенка, не смотря на то, что Вася былъ не совсѣмъ коротенькій, но довольно-длинный, только худой, и преловко началъ его носить изъ угла въ уголь по комнатѣ, показывая видъ, что его убаюкиваетъ.

— А вотъ я тебя, женихъ, спеленаю, приговариваль онъ. Но увидя, что Вася лежитъ на его рукахъ не шелохнется и не говоритъ болѣе слова, тотчасъ одумался и взялъ въ соображеніе, что шутки, видно, далеко зашли; онъ поставилъ его среди комнаты и самымъ искреннимъ, дружескимъ образомъ облобызалъ его въ щеку.

— Вася, не сердишься?..

— Аркаша, послушай...

— Ну, для новаго года.

— Да я-то ничего! да зачѣмъ же ты самъ такой сумасшедшій, повѣса такой? Сколько я разъ тебѣ говорилъ: Аркаша, ей-Богу не остро, совсѣмъ не остро!

— Ну, да не сердишься?

— Да я ничего; на кого я сержусь когда! Да ты меня огорчилъ, понимаешь ли ты!

— Да какъ огорчилъ? какимъ образомъ?

— Я шелъ къ тебѣ какъ къ другу, съ полнымъ сердцемъ, излить передъ тобой свою душу, рассказать тебѣ мое счастье...

— Да какое же счастье? что жъ ты не говоришь?..

— Ну, да я женюсь-то! отвѣчалъ съ досадою Вася, потому-что дѣйствительно немного былъ взбѣшенъ.

— Ты! ты женишься! такъ и вправду? закричалъ благимъ матомъ Аркаша. — Нѣтъ, нѣтъ... да что жъ это? и говоритъ такъ, и слезы текутъ!.. Вася, Васюкъ ты мой, сыночекъ мой, полно! Да въ правду, что-ль? И Аркадій Ивановичъ бросился къ нему снова съ объятіями.

— Ну, понимаешь, изъ-за чего теперь вышло? сказалъ Вася. — Вѣдь ты добрый, ты другъ, я это знаю. Я иду къ тебѣ съ такою радостью, съ восторгомъ душевнымъ, и вдругъ всю радость сердца, весь этотъ восторгъ я долженъ былъ открыть барахтаясь поперегъ кровати, теряя достоинство... Ты понимаешь, Аркаша, продолжалъ Вася полусмѣясь: — вѣдь это было въ комическомъ видѣ: ну, а я нѣкоторымъ образомъ не принадлежалъ себѣ въ эту минуту. Я же не могъ унижать этого дѣла... Вотъ, еще бъ ты спросилъ меня: какъ зовутъ? Вотъ, клянись, скорѣй убилъ бы меня, а я бы тебѣ не отвѣтилъ.

— Да, Вася, что же ты молчалъ! да ты бы мнѣ все раньше сказалъ, я бы и не сталъ шалить, закричалъ Аркадій Ивановичъ въ истинномъ отчаяніи.

— Ну, полно же, полно! я вѣдь такъ это... Вѣдь ты знаешь отъ-чего это все, отъ-того, что у меня доброе сердце. Вотъ мнѣ и досадно, что я не могъ сказать тебѣ, какъ хотѣлъ, обрадовать, принести удовольствіе, рассказать хорошо, прилично посвятить тебя... Право, Аркаша, я тебя

такъ люблю, что не будь тебя, я бы, мнѣ кажется, и не женился, да и не жилъ бы на свѣтѣ совсѣмъ!

Аркадій Ивановичъ, который необыкновенно былъ чувствителенъ, и смѣялся и плакалъ слушая Васю. Вася тоже. Оба снова бросились въ объятія и позабыли о бывшемъ.

— Какъ же, какъ же это? Расскажи мнѣ все, Вася! Я, братъ, извини меня, я пораженъ, совсѣмъ пораженъ; вотъ точно громомъ сразило, ей-Богу! Да нѣтъ же, братъ, нѣтъ, ты выдумалъ, ей-Богу выдумалъ, ты навралъ! закричалъ Аркадій Ивановичъ, и даже съ неподдѣльнымъ сомнѣніемъ взглянулъ въ лицо Васи, но, видя въ немъ блестящее подтвержденіе непремѣннаго намѣренія жениться какъ-можно-скорѣе, бросился на постель, и началъ кувыркаться въ ней отъ восторга, такъ-что стѣны дрожали.

— Вася, садись сюда! закричалъ онъ, усѣвшись наконецъ на кровати.

— Ужь я, братецъ, право, не знаю, какъ и начать, съ чего!

Оба въ радостномъ волненіи смотрѣли другъ на друга.

— Кто она, Вася?

— Артемьевы!.. произнесъ Вася разслабленнымъ отъ счастья голосомъ.

— Нѣтъ?

— Ну, да я тебѣ уши прожужжалъ объ нихъ, потомъ замолкъ, а ты ничего и не примѣтилъ. Ахъ, Аркаша, чего стѣдло мнѣ скрывать отъ тебя; да боялся, боялся говорить! Думалъ, что все разстроится, а я вѣдь влюбленъ, Аркаша! Боже мой, Боже мой! Видишь ли, вотъ какая исторія, началъ онъ, непрерывно останавливаясь отъ волненія: — у ней былъ женихъ, еще годъ назадъ, да вдругъ его командировали куда-то; я и зналъ его — такой, право, Богъ съ нимъ! Ну, вотъ, онъ и не пишетъ совсѣмъ, запалъ. Ждутъ, ждутъ; что бы это значило?.. Вдругъ онъ, четыре мѣсяца назадъ, пріѣзжаетъ женатый и къ нимъ ни ногой. Грубо! подло! да за нихъ заступиться нѣкому. Плакала, плакала она, бѣдная, а я и влюбись въ нее... да я и давно, всегда былъ влюбленъ! Вотъ, сталъ утѣшать, ходилъ, ходилъ... ну, и я, право, не знаю, какъ это все произошло, только и она меня полюбила; недѣлю назадъ я не выдержалъ, заплакалъ, зарыдалъ и сказалъ ей все — ну! что люблю ее — однимъ словомъ, все!.. «Я васъ сама любить готова, Василій Петровичъ, да я бѣдная дѣвушка, не насмѣйтесь надо мной; я и любить-то никого не смѣю». Ну, братъ, понимаешь! понимаешь?.. Мы тутъ съ ней на словѣ и помолвились; я думалъ-думалъ, думалъ-думалъ; говорю: какъ сказать маменькѣ? Она говоритъ: трудно, подождите немножко; она боится; теперь еще, пожалуй, не отдастъ меня вамъ; сама плачетъ. Я, ей не ска-

завшись, брякъ старухѣ сегодня. Лизанька передь ней на колѣни, я тоже... ну, и благословила. Аркаша, Аркаша! голубчикъ ты мой! будемъ жить вмѣстѣ. Нѣтъ! я съ тобой ни за что не разстанусь.

— Вася, какъ я ни смотрю на тебя, а не вѣрю, ей-Богу, какъ-то не вѣрю, клянусь тебѣ. Право, мнѣ все что-то кажется... Послушай, какъ же это ты женишься?.. Какъ же я не зналъ, а? Право, Вася, я, ужь признаюсь тебѣ, я самъ, братъ, думалъ жениться; а ужь какъ теперь ты женишься, такъ ужь все равно!.. Ну, будь счастливъ, будь счастливъ!..

— Братъ, теперь такъ сладко въ сердцѣ, такъ легко на душѣ... сказалъ Вася вставая и шагая въ волненіи по комнатѣ. Не правда ли, не правда ли? вѣдь ты чувствуешь то же? Мы будемъ жить бѣдно, конечно, но счастливы будемъ; и вѣдь это не химера; наше счастье-то вѣдь не изъ книжки сказано: вѣдь это на дѣлѣ счастливы мы будемъ!..

— Вася, Вася, послушай!

— Что? сказалъ Вася, остановясь передь Аркадіемъ Ивановичемъ.

— Мнѣ пришла мысль; право, я какъ-то боюсь и сказать тебѣ!.. Ты прости меня, ты разрѣши мои сомнѣнія. Чѣмъ же ты жить будешь? Я, знаешь, я въ восторгѣ, что ты женишься, конечно, въ восторгѣ и владѣть собой не могу, но — чѣмъ ты жить будешь? а?

— Ахъ, Боже, Боже мой! какой ты, Аркаша! сказалъ Вася, въ глубокомъ удивленіи смотря на Нефедевича. — Да чтò ты въ — самомъ-дѣлѣ? Даже старуха, и та двухъ минутъ не подумала, когда я ей представилъ все ясно. Ты спроси, чѣмъ они жили? Вѣдь 500 рублей въ годъ на троихъ: вѣдь всего-то пенсіону послѣ покойника столько. Жила она, да старуха, да еще братишка, за котораго въ школу платятъ изъ тѣхъ же денегъ — вѣдь вотъ, какъ живутъ! Вѣдь это только мы капиталисты съ тобой! А у меня, поди-ка ты, въ иной годъ, въ хорошій, даже семьсотъ наберется.

— Послушай, Вася; ты меня извини; я, ей-Богу, я такъ вѣдь, я все только думаю, какъ бы это не разстроить — какихъ же семьсотъ? только триста...

— Триста!.. А Юліанъ Мастаковичъ? забылъ?

— Юліанъ Мастаковичъ! да вѣдь это дѣло, братецъ, невѣрное; это не то, чтò триста рублей вѣрнаго жалованья, гдѣ всякій рубль какъ другъ неизмѣнный. Юліанъ Мастаковичъ, конечно, ну, даже великій онъ человѣкъ, я его уважаю, понимаю его, даромъ-что онъ такъ высоко стоитъ, и ей-Богу, люблю его, потому-что онъ тебя любитъ и тебѣ за работу даритъ, тогда-какъ могъ бы не платить, а командировать себѣ прямо чиновника — но вѣдь согласись самъ, Вася... Послушай еще: я вѣдь не вздоръ говорю; я согласенъ, во всемъ Петербургѣ не найдешь такого почерка, какъ твой почеркъ, я готовъ тебѣ уступить — не безъ восторга

заклучилъ Нефедевичъ: — но вдругъ, Боже сохрани! ты не понравишься, вдругъ ты не угодишь ему, вдругъ у него дѣла прекратятся, вдругъ онъ другаго возьметъ — ну, да, наконецъ, мало ли что можетъ случиться! Вѣдь Юліанъ-то Мастаковичъ былъ да сплылъ, Вася...

— Послушай, Аркаша, вѣдь этакъ, пожалуй, надъ нами сейчасъ потолокъ провалится...

— Ну конечно, конечно... я вѣдь ничего...

— Нѣтъ, послушай меня, ты выслушай — видишь что: какимъ онъ образомъ можетъ со мною разстаться... Нѣтъ, ты только выслушай, выслушай. Вѣдь я все исполняю рачительно; вѣдь онъ такой добрый, вѣдь онъ мнѣ, Аркаша, вѣдь онъ мнѣ сегодня далъ пятьдесятъ рублей серебромъ!

— Не-уже-ли, Вася? такъ тебѣ награжденіе?

— Какое награжденіе! изъ своего кармана. Говорить: ужъ ты, братъ, пятый мѣсяцъ денегъ не получалъ; хочешь, возьми; спасибо, говоритъ, тебѣ, спасибо, доволенъ... ей-Богу! не даромъ же ты мнѣ, говоритъ, работаешь — право! такъ и сказалъ. У меня слезы полились, Аркаша. Господи Боже!

— Послушай, Вася, а ты дописалъ тѣ бумаги?..

— Нѣтъ... еще не дописалъ.

— Ва...синька! ангелъ мой! что ты сдѣлалъ?

— Послушай, Аркадій, ничего, еще два дня срока, успѣю...

— Какъ же ты это такъ не писалъ?..

— Ну, вотъ, ну, вотъ! ты съ такимъ убитымъ видомъ смотришь, что у меня вся внутренность ворочается, сердце болитъ! Ну, что жъ? ты меня всегда этакъ убиваешь! Такъ и закричить: а-а-а!!! Да ты разсуждай; ну, что жъ такое? ну, кончу, ей-Богу, кончу...

— Что, если не кончишь? закричалъ Аркадій, вскочивъ: — а онъ же тебѣ сегодня далъ награжденіе! Ты же тутъ женишься... Ай, ай, ай!..

— Ничего, ничего, закричалъ Шумковъ: — я сейчасъ же и сажусь, сию минуту сажусь; ничего!

— Какъ это ты манкировалъ, Васютка?

— Ахъ, Аркаша! ну, могъ ли я усидѣть? такой ли я былъ? Да я въ канцеляріи-то едва сидѣлъ; вѣдь я сердца сносить не могъ... Ахъ! ахъ! теперь ночь просижу, и завтра ночь просижу, да послѣ завтра еще, и — докончу!..

— Много осталось?

— Не мѣшай, ради Бога, не мѣшай, замолчи...

Аркадій Ивановичъ на ципочкахъ подошелъ къ кровати и усѣлся; потомъ вдругъ хотѣлъ-было встать, но потомъ опять принужденъ былъ сѣсть, вспомнивъ, что помѣшать можетъ, хотя и сидѣть не могъ отъ вол-

ненія: видно было, что его совсѣмъ перевернуло извѣстіе, и первый восторгъ еще не успѣлъ выкипѣть въ немъ. Онъ взглянулъ на Шумкова, тотъ взглянулъ на него, улыбнулся, погрозилъ ему пальцемъ и потомъ, страшно нахмутивъ брови (какъ— будто въ этомъ заключалась вся сила и весь успѣхъ работы), уставился глазами въ бумаги.

Казалось, и онъ тоже еще не пересилилъ своего волненія, перемѣнялъ перья, вертѣлся на стулѣ, пристроивался, опять принимался писать, но рука его дрожала и отказывалась двигаться.

— Аркаша! Я имъ говорилъ объ тебѣ, закричалъ онъ вдругъ, какъ-будто только-что вспомнилъ.

— Дá? закричалъ Аркадій: — а я только спросить хотѣлъ; ну!

— Ну! ахъ, да, я тебѣ послѣ все расскажу! Вотъ, ей-Богу, самъ виноватъ, а совсѣмъ изъ ума вышло, что не хотѣлъ ничего говорить, покамѣстъ не напишу четырехъ листовъ; да вспомнилъ про тебя и про нихъ. Я, братъ, и писать какъ-то не могу: все объ васъ вспоминаю... Вася улыбнулся.

Настало молчаніе.

— Фу! какое скверное перо! закричалъ Шумковъ, ударивъ въ досадѣ имъ по столу. Онъ взялся за другое.

— Вася! послушай! одно слово...

— Ну! поскорѣй и въ послѣдній разъ.

— Много тебѣ осталось?..

— Ахъ, братъ!.. Вася такъ поморщился, какъ-будто ничего въ свѣтѣ не было ужаснѣе и убійственнѣе такого вопроса. — Много, ужасно много!

— Знаешь, у меня была идея...

— Чтò?

— Да нѣтъ, ужъ нѣтъ, пиши.

— Ну, чтò? чтò?

— Теперь седьмой часъ, Васюкъ!

Тутъ Нефедевичъ улыбнулся и плутовски подмигнулъ Васѣ, но, однакожь, все-таки нѣсколько съ робостію, не зная какъ прійметъ онъ это.

— Ну, чтò жь? сказалъ Вася, бросивъ совсѣмъ писать, смотря ему прямо въ глаза и даже поблѣднѣвъ отъ ожиданія.

— Знаешь чтò?

— Ради Бога, чтò?

— Знаешь чтò? Ты взволнованъ, ты много не наработаешь... Постой, постой, постой, постой — вижу, вижу — слушай! заговорилъ Нефедевичъ, вскочивъ въ восторгъ съ постели и прерывая заговорив-

шаго Васю, всѣми силами отстраняя возраженія: — прежде всего нужно успокоиться, нужно съ духомъ собраться; такъ ли?

— Аркаша! Аркаша! закричалъ Вася, вскочивъ съ кресель. — Я просижу всю ночь, ей-Богу, просижу!

— Ну, да, да! Ты къ утру только заснешь...

— Не засну, ни за что не засну...

— Нѣтъ, нельзя, нельзя; конечно, заснешь, въ пять часовъ засни. Въ восемь я тебя бужу. Завтра праздникъ; ты садись и строчишь цѣлый день... Потомъ опять ночь и — да много ль осталось тебѣ?..

— Да вотъ, вотъ!..

Вася, дрожа отъ восторга и отъ ожиданія, показаль тетрадку: — вотъ!..

— Послушай, братъ, вѣдь это немного...

— Дорогѣй мой — еще тамъ есть, сказалъ Вася, робко-робко смотря на Нефедевича, какъ-будто отъ него зависѣло разрѣшеніе, идти или нѣтъ.

— Сколько?

— Два... листочка...

— Ну, что жь? ну, послушай! Вѣдь кончить успѣемъ, ей-Богу, успѣемъ!

— Аркаша!

— Вася! послушай! Теперь подъ новый-годъ, всѣ по семействамъ собираются, мы съ тобой только бездомные, сирые... у! Васинька!..

Нефедевичъ облапилъ Васю и стиснулъ въ своихъ львиныхъ объятіяхъ...

— Аркадій, рѣшено!

— Васюкъ, я только объ этомъ сказать хотѣлъ. Видишь, Васюкъ, косолапый ты мой! слушай! слушай! вѣдь...

Аркадій остановился съ открытымъ ртомъ, потому-что не могъ говорить отъ восторга. Вася держаль его за плечи, глядѣлъ ему во всѣ глаза и такъ двигаль губами, какъ-будто самъ хотѣлъ договорить за него.

— Ну! проговорилъ онъ наконецъ.

— Представь имъ сегодня меня!

— Аркадій! идемъ туда чай пить! Знаешь чтò? знаешь чтò? даже до Новаго года не досидимъ, раньше уйдемъ, закричалъ Вася въ истинномъ вдохновеньи.

— То-есть, два часа, ни больше, ни меньше!..

— И потомъ разлука до-тѣхъ-поръ, пока не dokonчу!..

— Васюкъ!..

— Аркадій!

Въ три минуты, Аркадій былъ по-парадному. Вася только почистился, за тѣмъ, что и не снималъ своей пары: съ такимъ рвеніемъ присѣлъ онъ за дѣло.

Они поспѣшно вышли на улицу, одинъ радостнѣе другаго. Путь лежалъ съ Петербургской-Стороны въ Коломну. Аркадій Ивановичъ отмѣривалъ шаги бодро и энергично, такъ-что по одной походкѣ его уже можно было видѣть всю его радость о благополучіи все болѣе и болѣе счастливаго Васи. Вася сѣменилъ болѣе-мелкимъ шагкомъ, но не теряя достоинства. Напротивъ, Аркадій Ивановичъ еще никогда не видалъ его въ болѣе-выгодномъ для него свѣтѣ. Онъ въ эту минуту даже какъ-то болѣе уважалъ его, и извѣстный тѣлесный недостатокъ Васи, о которомъ до-сихъ-поръ еще не знаетъ читатель (Вася былъ немного— кривобокъ), вызывавшій всегда глубоко-любящее чувство состраданія въ добромъ сердцѣ Аркадія Ивановича, теперь еще болѣе способствовалъ къ глубокому умиленію, которое особенно питалъ къ нему другъ его въ эту минуту и котораго Вася ужъ, разумѣется, всячески былъ достоинъ. Аркадію Ивановичу даже хотѣлось заплакать отъ счастья; но онъ удержался.

— Куда, куда, Вася? здѣсь ближе пройдемъ! вскричалъ онъ, видя, что Вася норовитъ повернуть къ Вознесенскому.

— Молчи, Аркаша, молчи...

— Право, ближе, Вася.

— Аркаша! знаешь ли что? началъ Вася таинственно, замирающимъ отъ радости голосомъ: — знаешь ли что? мнѣ хочется принести подарочекъ Лизанькѣ...

— Что жъ такое?

— Здѣсь, братъ, на углу мадамъ Леру, чудесный магазинъ!

— А, ну!

— Чепчикъ, душечка, чепчикъ; сегодня я видѣлъ такой чепченокъ миленькій; я спрашивалъ: фасонъ, говорятъ, Manon Lescaut называется — чудо! ленты серизовыя, и если не дорого... Аркаша, да хоть бы и дорого!..

— Ты по-моему выше всѣхъ поэтовъ, Вася! идемъ!..

Они побѣжали, и черезъ двѣ минуты вошли въ магазинъ. Ихъ встрѣтила черноглазая Француженка въ локонахъ, которая тотчасъ же, при первомъ взглядѣ на своихъ покупателей, сдѣлалась такъ же весела и счастлива, какъ они сами, даже счастливѣе, если можно сказать. Вася готовъ былъ расцаловать мадамъ Леру отъ восторга...

— Аркаша! сказалъ онъ въ-полголоса, бросивъ обыкновенный взглядъ на все прекрасное и великое, стоявшее на деревянныхъ столбикахъ на огромномъ столѣ магазина. — Чудеса! Чтò это такое? чтò это?

Вотъ этотъ, напимѣръ, бонбончикъ, видишь? прошепталъ Вася, показывая одинъ миленькій крайній чепчикъ, но вовсе не тотъ, который купить хотѣлъ, потому-что уже издалека наглядѣлся и впился глазами въ другой, знаменитый, настоящій, стоявшій на противоположномъ концѣ. Онъ такъ смотрѣлъ на него, что можно было подумать, будто его кто-нибудь возьметъ да украдетъ, или будто самъ чепчикъ, именно для того, чтобъ не доставаться Васѣ, улетитъ съ своего мѣста на воздухъ.

— Вотъ, сказалъ Аркадій Ивановичъ, указавъ на одинъ: — вотъ, по-моему, лучшій.

— Ну, Аркаша! это даже дѣлаетъ честь тебѣ; я тебя, право, особенно уважать начинаю за вкусъ, сказалъ Вася, плутовски схитривъ въ умиленіи своего сердца предъ Аркашей: — прелесть твой чепчикъ, но поди-ка сюда!

— Гдѣ же, братъ, лучше?

— Смотри-ка сюда!

— Этотъ? сказалъ Аркадій съ сомнѣніемъ.

Но когда Вася, не въ силахъ болѣе выдержать, сорвалъ его съ деревяшки, съ которой онъ, казалось, вдругъ слетѣлъ самовольно, какъ-будто обрадовавшись такому хорошему покупщику послѣ долгаго ожиданія, когда захрустѣли въ воздухъ всѣ его ленточки, рюши и кружева, неожиданный крикъ восторга вырвался изъ мощной груди Аркадія Ивановича. Даже мадамъ Леру, наблюдавшая все свое несомнѣнное достоинство и преимущество въ дѣлѣ вкуса во все время выбора и только молчавшая изъ снисхожденія, наградила Васю полною улыбкою одобренія, такъ-что все въ ней, во взглядѣ, въ жестѣ и въ этой улыбкѣ разомъ проговорило — да! вы угадали и достойны счастья, которое васъ ожидаетъ.

— Вѣдь кокетничалъ, кокетничалъ въ уединеніи! закричалъ Вася, перенеся на мигъ всю любовь свою на миленькій чепчикъ: — нарочно прятался, плутишка, голубчикъ мой! И онъ поцаловалъ его, т. е. воздухъ, который его окружалъ, потому-что боялся дотронуться до своей драгоцѣнности.

— Такъ скрываетъ себя истинная заслуга и добродѣтель, прибавилъ Аркадій въ восторгѣ, для юмора прибравъ фразу изъ одной остроумной газеты, которую читалъ по утру. — Ну, Вася, что же?

— Вивать, Аркаша! да ты и остришь сегодня, ты сдѣлаешь *фуроръ*, какъ они говорятъ, между женщинами, предрекаю тебѣ. Мадамъ Леру, мадамъ Леру!

— Что прикажете?

— Голубушка, мадамъ Леру!..

Мадамъ Леру взглянула на Аркадія Ивановича и снисходительно улыбнулась.

— Вы не повѣрите, какъ я васъ обожаю въ эту минуту... Позвольте поцаловать васъ... и Вася поцаловалъ магазинщицу.

Рѣшительно нужно было призвать на минуту все достоинство, чтобъ не уронить себя съ подобнымъ повѣсой. Но я утверждаю, что нужно имѣть къ тому и всю врожденную, неподдѣльную любезность и грацію, съ которою мадамъ Леру приняла восторгъ Васи. Она извинила его, и какъ умно, какъ граціозно умѣла она найдтись въ этомъ случаѣ! Не-уже-ли же можно было разсердиться на Васю?

— Мадамъ Леру, сколько цѣна?

— Это пять рублей серебромъ, отвѣчала она оправившись, съ новой улыбкою.

— А этотъ, мадамъ Леру, сказалъ Аркадій Ивановичъ, указавъ на свой выборъ.

— Этотъ восемь рублей серебромъ.

— Ну, позвольте! ну, позвольте! ну, согласитесь, мадамъ Леру, ну, который лучше, граціознѣе, милѣе, который изъ нихъ болѣе походитъ на васъ?

— Тотъ богаче, но вашъ выборъ — *c'est plus coquet*.

— Ну, такъ его и беремъ!

Мадамъ Леру взяла листъ тонкой-тонкой бумаги, зашпилила булавочкой и, казалось, бумага съ завернутымъ чепчикомъ сдѣлалась легче, нежели прежде, безъ чепчика. Вася взялъ все это бережно, чуть дыша, раскланялся съ мадамъ Леру, что-то еще сказалъ ей очень-любезное и вышелъ изъ магазина.

— Я вивѣръ, Аркаша, я рожденъ быть вивѣромъ! кричалъ Вася, хохоча, заливаясь неслышнымъ, мелкимъ, нервическимъ смѣхомъ и обѣгая прохожихъ, которыхъ всѣхъ разомъ подозрѣвалъ въ непремѣнномъ покушеніи измять его драгоцѣннѣйшій чепчикъ!

— Послушай, Аркадій, послушай! началъ онъ минуту спустя, и что-то торжественно, что-то до нѣльзя любящее, зазвенѣло въ настроѣ его голоса: — Аркадій, я такъ счастливъ, такъ счастливъ!..

— Васинька! какъ я-то счастливъ, голубчикъ мой!

— Нѣтъ, Аркаша, нѣтъ, твоя любовь ко мнѣ безпредѣльна, я знаю; но ты не можешь ощущать и сотой доли того, что я чувствую въ эту минуту. Мое сердце такъ полно, такъ полно! Аркаша! Я не достоинъ этого счастья! Я слышу, я чувствую это. За что мнѣ — говорилъ онъ голосомъ, полнымъ заглушенныхъ рыданій: — что я сдѣлалъ такое, скажи мнѣ! Посмотри, сколько людей, сколько слезъ, сколько горя, сколько будничной жизни безъ праздника! А я! меня любитъ такая дѣвушка, меня... но ты самъ ее увидишь сейчасъ, самъ оцѣнишь это благородное сердце. Я родился изъ низкаго званія, теперь чинъ у меня и

независимый доходъ — жалованье. Я родился съ тѣлеснымъ недостаткомъ, я кривобокъ немного. Смотри, она меня полюбила какъ я есть. Сегодня Юліанъ Мастаковичъ былъ такой нѣжный, такой внимательный, такой вѣжливый; онъ со мною рѣдко говоритъ; подошелъ: «Ну, что, Вася (ей-Богу, такъ-таки Васей и назвалъ), кутить пойдешь на праздникахъ, а?» (Самъ смѣется.)

«Такъ и такъ, говорю, ваше превосходительство, дѣло есть, да тутъ же ободрился и говорю: и повеселюсь, можетъ-быть, ваше превосходительство — ей-Богу, сказалъ. Онъ мнѣ тутъ денегъ далъ, потомъ еще сказалъ мнѣ два слова. Я, братъ, заплакалъ, ей-Богу, слезы прошибли, а онъ тоже, кажется, тронуть былъ, потрепалъ меня по плечу, да говоритъ: чувствууй, Вася, чувствууй всегда такъ, какъ теперь это чувствуешь...»

Вася замолкъ на мгновеніе. Аркадій Ивановичъ отвернулся и тоже отеръ кулакомъ слезинку.

— И еще, еще... продолжалъ Вася: — я никогда еще не говорилъ тебѣ этого, Аркадій... Аркадій! Ты такъ счастливишь меня дружбой своею, безъ тебя я бы не жилъ на свѣтѣ — нѣтъ, нѣтъ, не говори ничего, Аркаша! Дай мнѣ пожать тебѣ руку, дай по...благо...дар...ить тебя!.. Вася опять не докончилъ.

Аркадій Ивановичъ хотѣлъ прямо броситься Васѣ на шею, но такъ — какъ они переходили улицу, и почти надъ ушами ихъ раздалось визгливое «Падь-падь-пади!» — то оба испуганные и взволнованные, добѣжали бѣгомъ до тротуара. Аркадій Ивановичъ былъ даже радъ тому. Онъ извинилъ изліяніе благодарности Васи развѣ только исключительностію настоящей минуты. Самому же ему было досадно. Онъ чувствовалъ, что онъ до-сихъ-поръ такъ мало сдѣлалъ для Васи! Ему даже стыдно стало за себя, когда Вася началъ благодарить его за такую малость! Но еще цѣлая жизнь была впереди, и Аркадій Ивановичъ вздохнулъ свободнѣе...

Рѣшительно ихъ совсѣмъ перестали ждать! Доказательство — что ужь сидѣли за чаемъ! А, право, иногда старъ-человѣкъ прозорливѣе молодёжи, да еще какой молодёжи! Вѣдь Лизанька-то пресерьёзно увѣряла, что не будетъ; «не будетъ, маменька; ужь сердце чувствуетъ, что не будетъ»; а маменька все говорила, что ея сердце, напротивъ, чувствуетъ, что непременно будетъ, что не усидитъ, что прибѣжитъ, что и занятій-то служебныхъ теперь нѣтъ у него, что и подъ Новый-то годъ! Лизанька и отворяя не ждала совсѣмъ — глазамъ не вѣрила, и встрѣтила ихъ запыхавшись, съ забившимся внезапно сердечкомъ, какъ у пойманной пташки, вся заалѣвъ, зарумянившись, словно вишенька, на которую она ужасно-какъ походила. Боже мой, какой сюрпризъ! какое

радостное «ахъ!» вылетѣло изъ ея губокъ! «Обманщикъ! Голубчикъ ты мой!» вскричала она, обвивъ шею Васи... Но представьте все удивленіе ея, весь ея стыдъ внезапный: прямо за Васей, какъ-будто желая спря- таться сзади его, стоялъ, немного потерявшись, Аркадій Ивановичъ. Нужно признаться, что онъ былъ неловокъ съ женщинами, даже очень-неловокъ, даже однажды случилось, что... Но это потомъ. Однакожь, войдите и въ его положеніе: смѣшнаго тутъ нѣтъ ничего; онъ стоитъ въ передней, въ калошахъ, въ шинели, въ ушатой шапкѣ, которую поспѣшилъ-было сдернуть, весь пребезобразно обмотанный желтымъ, вязанымъ пресквернымъ шарфомъ, еще для большаго эффекта завязан- нымъ сзади. Все это нужно распутать, снять поскорѣе, представиться въ болѣе выгодномъ видѣ, потому-что нѣтъ человѣка, который не желалъ бы представиться въ болѣе-выгодномъ видѣ. А тутъ Вася, досадный, несносный, хотя, впрочемъ, конечно, тотъ же милый, добрѣйшій Вася, но наконецъ несносный, безжалостный Вася! «Вотъ, кричитъ онъ: Лизанька, вотъ тебѣ мой Аркадій! Каковъ? Вотъ мой лучший другъ, обними его, поцалуй его, Лизанька, напередъ поцалуй, узнаешь потомъ лучше, сама расцалуешь...» Ну, что? ну, что, я спрашиваю, было дѣлать Аркадію Ивановичу? А онъ еще размоталъ всего половину шарфа! Право, мнѣ даже иногда совѣстно за излишнюю восторженность Васи; она, конечно, означаетъ доброе сердце, но... неловко, нехорошо!

Наконецъ, оба вошли. Старушка была несказанно рада позна- комиться съ Аркадіемъ Ивановичемъ; она такъ много слышала, она... — Но она не dokonчила. Радостное: «ахъ!» звонко раздавшееся въ ком- натѣ, остановило ее на полфразѣ. Боже мой! Лизанька стояла передъ развернутымъ неожиданно чепчикомъ, пренаивно сложивъ свои ручки и улыбаясь, улыбаясь такъ... Боже мой, да зачѣмъ это у madame Леру не было еще лучшаго чепчика!

Ахъ, Боже мой, да гдѣ жъ вы найдете чепчикъ лучше? Это ужъ изъ рукъ вонъ! Гдѣ же вы сѣщете лучше? Я говорю серьезно! Меня на- конецъ даже приводитъ въ нѣкоторое негодованіе, даже огорчаетъ немного такая неблагодарность влюбленныхъ. Ну, посмотрите сами, господа, посмотрите, чтó можетъ быть лучше этого амурчика-чепчика! Ну, взгля- ните... Но нѣтъ, нѣтъ, мои пени напрасны; они уже согласились всѣ со мною; это было минутное заблужденіе, туманъ, горячка чувства; я готовъ имъ простить... Да за то посмотрите... вы ужъ извините, господа, я все объ этомъ чепчикѣ: тюлевый, легонькій, широкая серизовая лента, покрытая кружевомъ, идетъ между тульею и рюшемъ и сзади двѣ ленты, широкія, длинныя; онѣ будутъ падать немного ниже затылка, на шею... Нужно только и весь чепчикъ немного-надѣть на затылокъ; ну, посмот- рите; ну, я васъ спрошу послѣ этого!.. Да вы, я вижу, не смотрите!..

Вамъ, кажется, все равно! Вы заглядѣлись въ другую сторону... Вы смотрите, какъ двѣ крупныя-крупныя словно перлы слезинки накупѣли въ одинъ мигъ въ черныхъ какъ смоль глазкахъ, задрожали на мгновение на длинныхъ рѣсницахъ и потомъ канули на этотъ скорѣе воздухъ чѣмъ тюль, изъ котораго состояло художественное произведение madame Леру... И опять мнѣ досадно: вѣдь почти не за чепчикъ были эти двѣ слезинки!.. Нѣтъ! по-моему, такую вещь нужно дарить хладнокровно. Тогда только можно истинно оцѣнить ее! Я признаюсь, господа, все за чепчикъ!

Усѣлись — Вася съ Лизанькой, а старушка съ Аркадіемъ Ивановичемъ; начали разговоръ, и Аркадій Ивановичъ вполне поддержалъ себя. Я съ радостію отдаю ему справедливость. Даже трудно было ожидать отъ него. Послѣ двухъ словъ объ Васѣ, онъ превосходно успѣлъ заговорить объ Юліанѣ Мастаковичѣ, его благодѣтелѣ. Да такъ умно, такъ умно заговорилъ, что разговоръ, право, не истощился и въ часъ. Нужно было видѣть, съ какимъ умѣніемъ, съ какимъ тактомъ касался Аркадій Ивановичъ нѣкоторыхъ особенностей Юліана Мастаковича, имѣвшихъ прямое или косвенное отношеніе къ Васѣ. За то и старушка была очарована, истинно очарована: она сама призналась въ этомъ, она нарочно отозвала Васю въ сторону и тамъ сказала ему, что другъ его превосходнѣйшій, любезнѣйшій молодой человѣкъ, и, главное, такой серьезный, солидный молодой человѣкъ. Вася чуть не захохоталъ отъ блаженства. Онъ вспомнилъ, какъ солидный Аркаша вертѣлъ его четверть часа на постели! Потомъ старушка мигнула Васѣ и сказала, чтобъ онъ вышелъ за нею тихонько и осторожнѣе въ другую комнату. Нужно сознаться, она немного-дурно поступила относительно Лизаньки: она, конечно отъ избытка сердца, измѣнила ей и вздумала показать потихоньку подарокъ, который готовила Лизанька Васѣ къ Новому году. Это былъ бумажникъ, шитый бисеромъ, золотомъ и съ превосходнѣйшимъ рисункомъ: на одной сторонѣ изображенъ былъ олень, совершенно какъ натуральный, который чрезвычайно шибко бѣжалъ, и такъ похоже, такъ хорошо! На другой сторонѣ былъ портретъ одного извѣстнаго генерала, тоже превосходно и весьма-похоже отдѣланный. Я ужъ не говорю о восторгѣ Васи. Между-тѣмъ, и въ залѣ не прошло даромъ время. Лизанька прямо подошла къ Аркадію Ивановичу. Она взяла его за руки, она за что-то благодарила его, и Аркадій Ивановичъ догадался наконецъ, что дѣло идетъ о томъ же драгоцѣннѣйшемъ Васѣ. Лизанька даже была глубоко растрогана: она слышала, что Аркадій Ивановичъ былъ такой истинный другъ ея жениха, такъ любилъ его, такъ наблюдалъ за нимъ, напутствовалъ на каждомъ шагу спасительными совѣтами, что, право, она, Лизанька, не можетъ не благодарить его, не можетъ удержаться отъ благодарности,

что она надѣется наконецъ, что Аркадій Ивановичъ полюбитъ и ее хоть въ половину такъ, какъ любитъ Васю. Потомъ она стала спрашивать, бережетъ ли Вася свое здоровье, изъявила нѣкоторыя опасенія на счетъ особенной пылкости его характера, на счетъ несовершеннаго знанія людей и практической жизни, сказала, что она религіозно будетъ со-временемъ наблюдать надъ нимъ, хранить и лелѣять судьбу его, и что она надѣется, наконецъ, что Аркадій Ивановичъ не только ихъ не оставитъ, но даже будетъ жить съ ними вмѣстѣ.

— Мы будемъ втроемъ какъ одинъ человѣкъ! вскричала она въ пре-наивномъ восторгѣ.

Но нужно было идти. Разумѣется, стали удерживать, но Вася объявилъ на отрѣзъ, что нельзя. Аркадій Ивановичъ засвидѣтельствовалъ то же самое. Спросили, разумѣется, почему, и немедленно открылось, что было дѣло, ввѣренное Юліаномъ Мастаковичемъ Васѣ, спѣшное, нужное, ужасное, которое нужно представить послѣ-завтра утромъ, а что оно не только не кончено, но даже запущено совершенно. Маменька ахнула, какъ услышала объ этомъ, а Лизанька просто испугалась, встревожилась и даже погнала Васю. Послѣдній поцалуй вовсе не проигралъ отъ этого; онъ былъ короче, поспѣшнѣй, но за то горячѣе и крѣпче. Наконецъ, разстались, и оба друга пустились домой.

Немедленно оба взапуски начали повѣрять другъ другу свои впечатлѣнія, только-что очутились на улицѣ. Да тому такъ и слѣдовало быть: Аркадій Ивановичъ былъ влюбленъ, на смерть влюбленъ въ Лизаньку! И кому жъ это лучше повѣрить, какъ не самому счастливчику Васѣ? Онъ такъ и сдѣлалъ: онъ не посоветился и тотчасъ же признался Васѣ во всемъ. Вася ужасно смѣялся и страшно былъ радъ, даже замѣтилъ, что это вовсе не лишнее и что теперь они будутъ еще больше друзьями. «Ты угадалъ меня, Вася, сказалъ Аркадій Ивановичъ: да! я люблю ее, такъ, какъ тебя; это будетъ и мой ангелъ, такъ же какъ твой, затѣмъ, что и на меня ваше счастье прольется, и меня пригрѣетъ оно. Это будетъ и моя хозяйка, Вася; въ ея рукахъ будетъ счастье мое; пусть хозяйничаетъ какъ съ тобою, такъ и со мной. Дá, дружба къ тебѣ, дружба къ ней; вы у меня нераздѣльны теперь; только у меня будутъ два такія существа, какъ ты, вмѣсто одного...» Аркадій замолчалъ отъ избытка чувствъ; а Вася былъ потрясенъ до глубины души его словами. Дѣло въ томъ, что онъ никогда не ожидалъ такихъ словъ отъ Аркадія. Аркадій Ивановичъ вообще говорить не умѣлъ, мечтать тоже совсѣмъ не любилъ; теперь же тотчасъ пустился и въ мечтанія самыя веселыя, самыя свѣжія, самыя радужныя! «Какъ я буду хранить васъ обоихъ, лелѣять васъ» заговорилъ онъ опять. «Во-первыхъ, я, Вася, буду у тебя всѣхъ дѣтей крестить, всѣхъ до одинаго, а во-вторыхъ, Вася, надобно

похлопотать и о будущемъ. Нужно мебель купить, нужно квартиру нанять, такъ чтобъ и ей и тебѣ и мнѣ были каморки отдѣльныя. Знаешь, Вася, я завтра же побѣгу смотрѣть ерлыки на воротахъ. Три... нѣтъ, двѣ комнаты, намъ больше не нужно. Я даже думаю, Вася, что я сегодня вздоръ говорилъ, денегъ достанетъ; чего! я какъ взглянулъ въ ея глазки, такъ тотчасъ разсчелъ, что достанетъ. Все для нея! Ухъ, какъ будемъ работать! Теперь, Вася, можно рискнуть и заплатить рублей 25 за квартиру. Квартира, братъ, все! Хорошія комнаты... да тутъ и человѣкъ весель и мечтанія радужныя! А во-вторыхъ, Лизанька будетъ нашъ общій кассиръ: ни копейки лишней! Чтобъ этакъ я теперь въ трактиръ побѣжалъ! да за кого ты меня принимаешь? ни за что! А тутъ прибавка, награды будутъ, потому-что мы будемъ прилежно служить, у! какъ работать, какъ волю землю пахать!.. Ну, представь себѣ — и голосъ Аркадія Ивановича ослабѣлъ отъ удовольствія: — вдругъ этакъ совсѣмъ-неожиданно цѣлковыхъ тридцать иль двадцать — пять на голову!.. Вѣдь что ни награда, то чепчикъ, то шарфикъ, чулочки какіе-нибудь! Она мнѣ непремѣнно должна связать шарфъ; смотри, какой скверный у меня: желтый, поганый, надѣлалъ онъ мнѣ сегодня бѣды! Да и ты, Вася, хорошъ; представляешь, а я въ хомутѣ стою... да не въ томъ вовсе дѣло! А вотъ, видишь ли: я все серебро беру на себя! я вамъ вѣдь обязанъ сдѣлать подарочекъ — это честь, это мое самолюбіе!.. А вѣдь наградныя мои не уйдутъ: Скороходову, что ли, ихъ отдадутъ? не бось, не залежатся онѣ у этой цапли въ карманѣ. Я, братъ, вамъ куплю ложекъ серебряныхъ, ножей хорошихъ — не серебряныхъ ножей, а отличныхъ ножей и жилетку, т. е. жилетку-то себѣ: я вѣдь шаферомъ буду! Только ужъ ты теперь держись у меня, ужъ держись, ужъ я надъ тобой, братъ, и сегодня и завтра и всю ночь буду съ палкой стоять, замучаю на работѣ: кончай! кончай, братъ, скорѣе! и потомъ опять на вечеръ, и потомъ оба счастливы; въ лото пустимся!.. вечера сидѣть будемъ — у, хорошо! фу, чортъ! какъ досадно, что не могу тебѣ помогать. Такъ бы взялъ и все бы, все бы писалъ за тебя... Зачѣмъ это у насъ не одинаковый почеркъ?»

— Да! отвѣтилъ Вася: — да! нужно спѣшить. Я думаю, теперь часовъ одиннадцать будетъ; нужно спѣшить... За работу! И проговоривъ это, Вася, который все время то улыбался, то какъ-нибудь старался прервать какимъ-нибудь восторженнымъ замѣчаніемъ изліяніе дружескихъ чувствъ и, однимъ словомъ, оказывалъ самое полное одушевленіе, вдругъ присмирѣлъ, замолчалъ и пустился чуть не бѣгомъ по улицѣ. Казалось, какая-то тяжкая идея вдругъ оледенила его пылавшую голову; казалось, все сердце его сжалось.

Аркадій Ивановичъ даже сталъ беспокоиться; на ускоренные вопросы свои онъ почти не получалъ отвѣтовъ отъ Васи, который

отдѣлывался словомъ, другимъ, иногда восклицаніемъ, часто вовсе неотнoсившимся къ дѣлу. «Да что съ тобой, Вася?» закричалъ онъ наконецъ, едва догоняя его: «не-уже-ли ты такъ безпокоишься?..» — Ахъ, братъ, полно болтать! отвѣтилъ Вася даже съ досадою. — «Не унывай, Вася; полно», прервалъ Аркадій: «да я видывалъ, что ты и гораздо больше въ мѣньшій срокъ писывалъ... чего тебѣ! у тебя просто талантъ! Въ крайнемъ случаѣ, можно даже ускорить перо: вѣдь не литографировать же на прописи будутъ. Успѣешь!.. вотъ развѣ только ты взволнованъ теперь, разсѣянъ, такъ работа тяжелѣе пойдетъ...» Вася не отвѣчалъ или пробормоталъ что-то подъ носъ, и оба въ рѣшительной тревогѣ добѣжали домой.

Вася тотчасъ же сѣлъ за бумаги. Аркадій Ивановичъ присмирѣлъ и притихъ, въ тихомолку раздѣлся и легъ на кровать, не спуская глазъ съ Васи... Какой-то страхъ нашелъ на него... «Что съ нимъ?» сказалъ онъ про себя, смотря на поблѣднѣвшее лицо Васи, на разгорѣвшіеся глаза его, на безпокойство, выказавшееся въ каждомъ движеніи; «у него и рука дрожить... фу ты, право! да не посоветовать ли ему заснуть часа два; хоть бы онъ переспалъ свое раздраженіе.» Вася только-что окончилъ страницу, поднялъ глаза, нечаянно взглянулъ на Аркадія и, тотчасъ же потупившись, схватился опять за перо.

— Послушай, Вася, началъ вдругъ Аркадій Ивановичъ: — не лучше ль было бы тебѣ переспать немножко? Смотри, ты совсѣмъ въ лихорадкѣ...

Вася съ досадою, даже со злостью, взглянулъ на Аркадія и не отвѣчалъ.

— Послушай, Вася, что ты надъ собой дѣлаешь?..

Вася тотчасъ одумался...

— Не выпить ли чайку, Аркаша? сказалъ онъ.

— Какъ такъ? зачѣмъ?

— Силы придастъ. Я спать не хочу, ужъ я спать не буду! я все буду писать. А теперь и отдохнулъ бы за чаемъ, да и мгновеніе тяжелое перешло бы.

— Лихо, братъ Вася, чудесно! именно такъ; я самъ хотѣлъ предложить. Но я дивлюсь, какъ мнѣ самому не пришло это въ голову. Только знаешь ли что? Мавра не встанетъ, ни за что не проснется...

— Да...

— Вздоръ, ничего! закричалъ Аркадій Ивановичъ, вскочивъ босикомъ съ постели. — Я самъ самоваръ поставлю. Въ первой что ли мнѣ?..

Аркадій Ивановичъ побѣжалъ въ кухню и пустился хлопотать съ самоваромъ; Вася покамѣстъ писалъ. Аркадій Ивановичъ одѣлся и сбѣгалъ сверхъ-того въ булочную, за тѣмъ, чтобъ Вася могъ вполнѣ под-

крѣпить себя на ночь. Черезъ четверть часа, самоваръ стоялъ на столѣ. Они нѣ начали пить, но разговоръ не клеился. Вася все былъ разсѣянъ.

— Вотъ, сказалъ онъ наконецъ, какъ-будто одумавшись: — нужно завтра пойти поздравлять...

— Тебѣ вовсе не нужно.

— Нѣтъ, братъ, нельзя, сказалъ Вася...

— Да я за тебя у всѣхъ роспишусь... чего тебѣ! ты завтра работай. Сегодня бы ты посидѣлъ часовъ до пяти, какъ я говорилъ, а тамъ и заснулъ бы. А то на что ты завтра будешь похожъ? Я бы тебя ровно въ восемь часовъ разбудилъ...

— Да хорошо ли это будетъ, что ты за меня роспишешься? сказалъ Вася полусоглашаясь.

— Да чего же лучше? такъ дѣлаютъ всѣ!..

— Право, боюсь...

— Да чего же, чего?

— Оно, знаешь, у другихъ ничего, а Юліанъ Мастаковичъ — онъ, Аркаша, мой благодѣтель; ну, какъ замѣтить, что чужая рука...

— Замѣтить! Ну, какой ты, право, Васюкъ! ну какъ онъ можетъ замѣтить?.. Да вѣдь я, знаешь, твое имя ужасно какъ похоже подписываю и завитокъ такой же дѣлаю, ей-Богу. Полно; что ты! кому тутъ замѣтить?..

Вася не отвѣчалъ и поспѣшно допивалъ свой стаканъ... Потомъ онъ сомнительно покачалъ головою.

— Вася голубчикъ! ахъ, кабы намъ удалось! Вася, да что съ тобою? Ты меня просто пугаешь! Знаешь, я теперь и не лягу, Вася, не засну. Покажи мнѣ, много ль осталось тебѣ?

Вася такъ взглянулъ на него, что у Аркадія Ивановича сердце повернулось и языкъ осѣкся.

— Вася! что съ тобой? что ты? чего ты такъ смотришь?

— Аркадій, я, право, пойду завтра поздравить Юліана Мастаковича.

— Ну, ступай, пожалуй! говорилъ Аркадій, смотря на него во всѣ глаза въ томительномъ ожиданіи.

— Послушай, Вася, ускори перо; я зла тебѣ не совѣтую, ей-Богу же такъ! Сколько разъ говорилъ самъ Юліанъ Мастаковичъ, что у тебя въ перѣ ему всего болѣе нравится четкость! Вѣдь это Скороплѣхинъ только любить, чтобъ было четко и красиво, какъ пропись, чтобъ потомъ какъ-нибудь зажилить бумажку, да дѣтямъ домой нести переписывать: не можетъ купить, болванъ, прописей! А Юліанъ Мастаковичъ только и говорить, только и требуетъ: четко, четко и четко!.. чего же тебѣ! право!

Вася, я ужь не знаю, какъ и говорить съ тобой... Я боюсь даже... Ты меня убиваешь тоской своей.

— Ничего, ничего! говорилъ Вася и въ изнеможеніи упалъ на стуль. — Аркадій встревожился.

— Не хочешь ли воды? Вася! Вася!

— Полно, полно, сказалъ Вася, сжимая его руку. — Я ничего; мнѣ только стало какъ-то грустно, Аркадій. Я даже и самъ не могу сказать отъ-чего. Послушай, говори лучше о другомъ; не напоминай мнѣ...

— Успокойся, ради Бога, успокойся, Вася. Ты докончишь, ей-Богу докончишь! А хоть бы и не докончилъ, такъ что жъ за бѣда? Точно преступленье какое!

— Аркадій, сказалъ Вася, такъ значительно смотря на своего друга, что тотъ рѣшительно испугался, ибо никогда Вася не тревожился такъ ужасно. Еслибъ я былъ одинъ, какъ прежде... Нѣтъ! я не то говорю. Мнѣ все хочется тебѣ сказать, повѣрить, какъ другу... Впрочемъ, зачѣмъ же беспокоить тебя?.. Видишь, Аркадій, однимъ дано многое, другіе дѣлаютъ маленькое, какъ я. Ну, еслибъ отъ тебя потребовали благодарности, признательности — и ты бы не могъ этого сдѣлать?..

— Вася! я рѣшительно не понимаю тебя!

— Я никогда не былъ неблагодаренъ, продолжалъ Вася тихо, какъ — будто разсуждая самъ съ собою. — Но если я не въ состояніи высказать всего, что чувствую, то оно какъ-будто-бы... Оно, Аркадій, выйдетъ, какъ-будто я и въ-самомъ-дѣлѣ неблагодаренъ, а это меня убиваетъ.

— Да что жъ, да что! Не-уже-ли же въ томъ вся благодарность, что ты перепишешь къ сроку? Подумай, Вася, что ты говоришь! развѣ въ этомъ выражается благодарность?

Вася вдругъ замолчалъ и посмотрѣлъ во всѣ глаза на Аркадія, какъ-будто его неожиданный аргументъ разрушилъ всѣ сомнѣнія. Онъ даже улыбнулся, но тотчасъ же принялъ опять прежнее задумчивое выраженіе. Аркадій, принявъ эту улыбку за окончаніе всѣхъ страховъ, а тревогу, опять явившуюся, за рѣшимость на что-нибудь лучшее, крайне обрадовался.

— Ну, братъ Аркаша, проснешься ночью, сказалъ Вася: — взгляни на меня; неравно я засну, бѣда будетъ; а теперь я сажусь за работу... Аркаша?

— Что?

— Нѣтъ, я такъ только, я ничего... я хотѣлъ...

Вася усѣлся и замолчалъ, Аркадій улегся. Ни тотъ, ни другой не сказали двухъ словъ о коломенскихъ. Можетъ-быть, оба чувствовали,

что провинились немножко, покутили некстати. Вскорѣ Аркадій Ивановичъ заснулъ, все тоскуя объ Васѣ. Къ удивленію своему, онъ проснулся ровно въ восьмомъ часу утра. Вася спалъ на стулѣ, держа въ рукѣ перо, блѣдный и утомленный; свѣчка сгорѣла. Въ кухнѣ возилась Мавра за самоваромъ.

— Вася, Вася! закричалъ Аркадій въ испугѣ... когда ты легъ?

Вася открылъ глаза и вскочилъ со стула...

— Ахъ! сказалъ онъ: — я такъ и заснулъ!..

Онъ тотчасъ же бросился къ бумагамъ — ничего: все было въ порядкѣ; ни чернилами, ни саломъ отъ свѣчки не капнуло.

— Я думаю, я заснулъ часовъ въ шесть, сказалъ Вася. — Какъ ночью холодно! Выпьемъ-ка чаю, и я опять...

— Подкрѣпился ли ты?

— Да-да, ничего, теперь ничего!..

— Съ Новымъ годомъ, братъ Вася.

— Здравствуй, братъ, здравствуй; тебя также, милый.

Они обнялись. — У Васи дрожалъ подбородокъ и повлажнѣли глаза. Аркадій Ивановичъ молчалъ: ему стало горько; оба пили чай на-скоро...

— Аркадій! Я рѣшилъ, я самъ пойду къ Юліану Мастаковичу...

— Да вѣдь онъ не замѣтитъ...

— Да меня-то, братъ, почти мучить совѣсть.

— Да вѣдь ты для него же сидишь, для него же убиваешься... полно!

А я, знаешь что, братъ, я зайду туда...

— Куда? спросилъ Вася...

— Къ Артемьевымъ, поздравлю съ моей и съ твоей стороны.

— Голубчикъ мой, миленькій! Ну! я здѣсь останусь; да, я вижу, что ты хорошо придумалъ; вѣдь я же тутъ работаю, не въ праздности время провожу! Постою на минутку, я тотчасъ письмо напишу.

— Пиши, братъ, пиши, успѣешь; я еще умоюсь, побрѣюсь, фракъ почищу. Ну, братъ Вася, мы будемъ довольны и счастливы! Обними меня, Вася!

— Ахъ, кабы, братъ!..

— Здѣсь живетъ господинъ чиновникъ Шумковъ? раздался дѣтскій голосокъ на лѣстницѣ...

— Здѣсь, батюшка, здѣсь, проговорила Мавра, впуская гостя...

— Что тамъ? что, что? закричалъ Вася, вспрыгнувъ со стула и бросаясь въ переднюю. — Петинька, ты?..

— Здравствуйте, съ Новымъ годомъ васъ честь имѣю поздравить, Василій Петровичъ, сказалъ хорошенькій черноволосый мальчикъ лѣтъ

десяти, въ кудряшкахъ: — сестрица вамъ кланяется, и маменька тоже, а сестрица велѣла васъ поцаловать отъ себя...

Вася вскинулъ на воздухъ посланника и влѣпилъ въ его губки, которыя ужасно походили на лизанькины, медовый, длинный, восторженный поцалуй. — Цалуй, Аркадій! — говорилъ онъ, передавъ ему Петю, и Петя, не касаясь земли, тотчасъ же перешелъ въ мощныя и жадныя въ полномъ смыслѣ слова объятія Аркадія Ивановича.

— Голубчикъ ты мой, хочешь чайку?

— Покорно благодарю-съ. Ужь мы пили! Сегодня поднялись рано. Наши къ обѣднѣ ушли. Сестрица два часа меня завивала, напомадила, умыла, панталончики мнѣ зашивала, потому-что я ихъ разодралъ вчера съ Сашкой, на улицѣ: мы въ снѣжки стали играть...

— Ну-ну-ну-ну!

— Ну, все меня наряжала къ вамъ идти; потомъ напомадила, а потомъ зацаловала совсѣмъ, говоритъ: «сходи къ Васѣ, поздравь, да спроси, довольны ли они, покойно ли почивали и еще...» и еще что-то спросить — да! и еще кончено ль дѣло, объ которомъ вы вчера... тамъ какъ-то... да вотъ, у меня записано, сказалъ мальчикъ, читая по бумажкѣ, которую вынулъ изъ кармана: — да! безпокоились.

— Будетъ кончено! будетъ! такъ ей и скажи, что будетъ, непременно кончу, честное слово!

— Да еще... ахъ! я и забылъ; сестрица записочку и подарокъ прислала, а я и забылъ!..

— Боже мой!.. Ахъ ты голубчикъ мой! гдѣ... гдѣ? вотъ-а?! Смотри, братъ, смотри, что мнѣ пишетъ. Го-лу-бушка, миленькая! Знаешь, я вчера видѣлъ у ней бумажникъ для меня; онъ не конченъ, такъ вотъ, говоритъ, посылаю вамъ локонъ волосъ моихъ, а то отъ васъ не уйдетъ. Смотри, братъ, смотри!

И потрясенный отъ восторга Вася показывалъ локонъ густѣйшихъ, чернѣйшихъ въ свѣтѣ волосъ Аркадію Ивановичу; потомъ горячо поцаловалъ ихъ и спряталъ въ боковой карманъ, поближе къ сердцу.

— Вася! Я тебѣ медальйонъ закажу для этихъ волосъ! рѣшительно сказалъ наконецъ Аркадій Ивановичъ.

— А у насъ жаркое телятина будетъ, а потомъ завтра мозги; маменька хочетъ бисквиты готовить... а пшенной каши не будетъ, сказалъ мальчикъ, подумавъ, какъ заключить свои росказни.

— Фу, какой хорошенькій мальчикъ! закричалъ Аркадій Ивановичъ. — Вася, ты счастливѣйшій смертный!

Мальчикъ кончилъ чай, получилъ записочку, тысячу поцалуевъ и вышелъ счастливый и рѣзвый по-прежнему.

— Ну, братъ, заговорилъ обрадованный Аркадій Ивановичъ: — видишь, какъ хорошо, видишь! Все уладилось къ лучшему, не горюй, не робѣй! впередъ! Кончай, Вася, кончай! Въ два часа я домой; заѣду къ нимъ, потомъ къ Юліану Мастаковичу...

— Ну, прощай, братъ, прощай... Ахъ, кабы!.. Ну, хорошо, ступай, хорошо, сказалъ Вася: — я, братъ, рѣшительно не пойду къ Юліану Мастаковичу.

— Прощай!

— Стой, братъ, стой; скажи имъ... ну, все, что найдешь; ее поцалуй... да Расскажи, братецъ, все потомъ, Расскажи...

— Ну ужъ, ну ужъ — извѣстно, знаемъ что! Это счастье перевернуло тебя! Это неожиданность; ты самъ не свой со вчерашняго дня. Ты еще не отдохнулъ отъ вчерашнихъ своихъ впечатлѣній. Ну, конечно! оправься, голубчикъ Вася! Прощай, прощай!

Наконецъ, друзья разстались. Все утро Аркадій Ивановичъ былъ разсѣянъ и думалъ только объ Васѣ. Онъ зналъ слабый, раздражительный характеръ его. «Дá, это счастье перевернуло его, я не ошибся! говорилъ онъ самъ про себя: — Боже мой! Онъ и на меня нагналъ тоску. И изъ чего этотъ человѣкъ способенъ поднять трагедію! Экая горячка какая! Ахъ, его нужно спасти! нужно спасти!» проговорилъ Аркадій, самъ не замѣчая того, что въ своемъ сердцѣ уже возвелъ до бѣды повидимому маленькія домашнія непріятности, въ сущности ничтожныя. Только въ одиннадцать часовъ попалъ онъ въ швейцарскую Юліана Мастаковича, чтобъ примкнуть свое скромное имя къ длинному столбцу почтительныхъ лицъ, расписывавшихся въ швейцарской, на листѣ закапанной и кругомъ исчерченной бумаги. Но каково было его удивленіе, когда передъ нимъ мелькнула собственная подпись Васи Шумкова! Это его поразило. — Что съ нимъ дѣлается? подумалъ онъ. Аркадій Ивановичъ, взъигравшій еще недавно надеждой, вышелъ разстроенный. Дѣйствительно, приготовлялась бѣда; но гдѣ? но какая?

Въ Коломну онъ пріѣхалъ съ мрачными мыслями, былъ разсѣянъ сначала, но, поговоривъ съ Лизанькой, вышелъ со слезами на глазахъ, потому-что рѣшительно испугался за Васю. Домой онъ пустился бѣгомъ и на Невѣ носомъ къ носу столкнулся съ Шумковымъ. Тотъ тоже бѣжалъ.

— Куда ты? закричалъ Аркадій Ивановичъ.

Вася остановился какъ пойманный въ преступленіи.

— Я, братъ, такъ; я прогуляться хотѣлъ.

— Не утерпѣлъ, въ Коломну шелъ? Ахъ, Вася, Вася! Ну, зачѣмъ ты ходилъ къ Юліану Мастаковичу?

Вася не отвѣчалъ; но потомъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Аркадій! я не знаю, что со мной делается! я...

— Полно, Вася, полно! ведь я знаю, что это такое. Успокойся! ты взволнован и потрясен со вчерашнего дня! Подумай: ну как не снести этого! Все-то тебя любят, все-то около тебя ходят, работа твоя подвигается, ты ее кончишь, непременно кончишь, я знаю: ты вообразил что-нибудь, у тебя страхи какие-то...

— Нѣтъ, ничего, ничего...

— Помнишь, Вася, помнишь, ведь это было с тобой; помнишь, когда ты чин получил, ты от счастья и от благодарности удвоил ревность и недѣлю только портил работу. С тобой и теперь то же самое...

— Да, да, Аркадій; но теперь другое, теперь совсем не то...

— Да как не то, помилуй! И дѣло-то, можетъ-быть, вовсе не спѣшное, а ты себя убиваешь...

— Ничего, ничего, я только такъ. Ну, пойдём!

— Что ж ты домой, а не к нимъ?

— Нѣтъ, братъ, с какимъ я лицомъ явлюсь?.. Я раздумалъ. Я только одинъ безъ тебя не высижѣлъ; а вотъ ты теперь со мной, такъ я и сяду писать. Пойдём!

Они пошли и нѣкоторое время молчали. Вася спѣшилъ.

— Что ж ты меня не спрашиваешь объ нихъ? сказалъ Аркадій Ивановичъ.

— Ахъ, да! Ну, Аркашинька, что жъ?

— Вася, ты на себя непохожъ!

— Ну, ничего, ничего. Расскажи же мнѣ все, Аркаша! сказалъ Вася умоляющимъ голосомъ, какъ-будто избѣгая дальнѣйшихъ объясненій. Аркадій Ивановичъ вздохнулъ. Онъ рѣшительно терялся смотря на Васю.

Разсказъ о коломенскихъ оживилъ его. Онъ даже разговорился. Они пообѣдали. Старушка наложила бисквитами полный карманъ Аркадія Ивановича, и пріятели, кушая ихъ, развеселились. Послѣ обѣда Вася обѣщалъ заснуть, чтобъ просидѣть всю ночь. Онъ дѣйствительно легъ. Утромъ кто-то, передъ кѣмъ нельзя было отказываться, позвалъ Аркадія Ивановича на чай. Друзья разстались. Аркадій положилъ прійти какъ-можно-раньше, если можно, даже въ восемь часовъ. Три часа разлуки прошли для него какъ три года. Наконецъ, онъ вырвался къ Васѣ. Войдя въ комнату, онъ увидѣлъ, что все темно. Васи не было дома. Онъ спросилъ Мавру. Мавра сказала, что все писалъ и не спалъ ничего, потомъ ходилъ по комнатѣ, а потомъ, часъ тому назадъ, убѣжалъ, сказавъ, что черезъ полчаса будетъ; «а когда-моль Аркадій Ивановичъ

прійдутъ, такъ скажи-моль, старуха», заключила Мавра, «что гулять я пошелъ, и три, не то, моль, четыре раза наказывалъ».

— У Артемьевыхъ онъ! подумалъ Аркадій Ивановичъ, и покачалъ головой.

Черезъ минуту онъ вскочилъ, оживленный надеждой. «Онъ просто кончилъ, подумалъ онъ: вотъ и все; не утерпѣлъ да и убѣжалъ туда. Впрочемъ, нѣтъ! Онъ меня бы дождался... Взгляну-ка я, что тамъ у него!»

Онъ зажегъ свѣчку и бросился къ письменному столу Васи: работа шла, и, казалось, до конца было не такъ далеко. Аркадій Ивановичъ хотѣлъ-было изслѣдовать дальше, но вдругъ вошелъ Вася...

— А! ты здѣсь? закричалъ онъ, вздрогнувъ отъ испуга...

Аркадій Ивановичъ молчалъ. Онъ боялся спросить Васю. Тотъ потупилъ глаза и тоже молча началъ разбирать бумаги. Наконецъ глаза ихъ встрѣтились. Взглядъ Васи былъ такой просящій, умоляющій, убитый, что Аркадій вздрогнулъ, когда встрѣтилъ его. Сердце его задрожало и переполнилось...

— Вася, братъ мой, что съ тобой? что ты? закричалъ онъ, бросаясь къ нему и сжимая его въ объятіяхъ: — объяснись со мной; я не понимаю тебя и тоски твоей; что съ тобой, мученикъ ты мой? что? Скажи мнѣ все безъ утайки. Не можетъ быть, чтобъ это одно...

Вася крѣпко прижался къ нему и не могъ ничего говорить. Духъ его захватило.

— Полно, Вася, полно! Ну, не кончить тебѣ, что жъ такое? Я не понимаю тебя; открой мнѣ мученія свои. Видишь ли, я для тебя... Ахъ, Боже мой, Боже мой! говорилъ онъ, шагая по комнатѣ и хватаясь за все, что ни попадалось ему подъ руки, какъ-будто немедленно ища лекарства для Васи. Я самъ завтра, вмѣсто тебя, пойду къ Юліану Мастаковичу, буду просить, умолять его, чтобъ далъ еще день отсрочки. Я объясню ему все, все, если только это такъ тебя мучаетъ...

— Боже тебя сохрани! вскричалъ Вася и побѣлѣлъ какъ стѣна. Онъ едва устоялъ на мѣстѣ.

— Вася, Вася!..

Вася очнулся. Губы его дрожали; онъ хотѣлъ что-то выговорить и только молча, судорожно пожималъ руку Аркадія... Рука его была холодна. Аркадій стоялъ передъ нимъ полный тоскливаго и мучительнаго ожиданія. Вася опять поднималъ на него глаза.

— Вася! Богъ съ тобой, Вася! Ты истерзалъ мое сердце, другъ мой, милый ты мой.

Слезы градомъ хлынули изъ глазъ Васи; онъ бросился на грудь Аркадія.

— Я обмануль тебя, Аркадій! говорилъ онъ: — я обмануль тебя; прости меня, прости! Я обмануль твою дружбу...

— Чтó, чтó, Вася? что жь такое? спросилъ Аркадій, рѣшительно въ ужасѣ.

— Вотъ!..

И Вася съ отчаяннымъ жестомъ выбросилъ на столъ изъ ящика шесть толстѣйшихъ тетрадей, подобныхъ той, которую онъ переписывалъ.

— Чтó это?

— Вотъ, чтó мнѣ нужно приготовить къ послѣзавтрашнему дню. Я и четвертой доли не сдѣлалъ!

— Не спрашивай, не спрашивай... какъ это сдѣлалось! продолжалъ Вася, самъ тотчасъ заговоривъ о томъ, чтó такъ его мучило. Аркадій, другъ мой! Я не знаю самъ, чтó было со мной! Я какъ-будто изъ какого-то сна выхожу. Я цѣлыя три недѣли потерялъ даромъ. Я все... я... ходилъ къ ней... У меня сердце болѣло, я мучился... неизвѣстностью... я и не могъ писать. Я и не думалъ объ этомъ. Только теперь, когда счастье настаетъ для меня, я очнулся.

— Вася! началъ Аркадій Ивановичъ рѣшительно: — Вася! я спасу тебя. Я понимаю все это. Это дѣло не шутка. Я спасу тебя! Слушай, слушай меня: я завтра же иду къ Юліану Мастаковичу... Не качай головой, нѣтъ, слушай! Я расскажу ему все какъ было; позволь ужь мнѣ сдѣлать такъ... Я объясню ему... я на все пойду! Я расскажу ему, какъ ты убить, какъ ты мучишься.

— Знаешь ли, что ты ужь теперь убиваешь меня? проговорилъ Вася, весь похолодѣвъ отъ испуга.

Аркадій Ивановичъ поблѣднѣлъ-было, но одумался и тотчасъ же размѣялся.

— Только-то? только это? сказалъ онъ. — Помилуй, Вася, помилуй! не стыдно ли? Ну, послушай! Я вижу, что огорчаю тебя. Видишь, я понимаю тебя; я знаю, чтó въ тебѣ происходитъ. Вѣдь ужь мы пять лѣтъ вмѣстѣ живемъ, слава Богу! Ты добрый, нѣжный такой, но слабый, непростительно-слабый. Вѣдь ужь и Лизавета Михайловна это замѣтила. Ты, кромѣ того, и мечтатель, а вѣдь это тоже не хорошо: свихнуться, братъ, можно! Послушай, вѣдь я знаю, чего тебѣ хочется! Тебѣ хочется, на-примѣръ, чтобъ Юліанъ Мастаковичъ былъ внѣ себя и еще, пожалуй, задалъ бы балъ отъ радости, что ты женишься... Ну, стой, стой! Ты морщишься. Видишь, ужь отъ одного моего слова ты обидѣлся за Юліана Мастаковича! Я оставлю его. Я вѣдь и самъ его уважаю не меньше твоего! Но ужь ты меня не оспоришь, и не откажешь мнѣ думать, что ты бы желалъ, чтобъ не было даже и несчастныхъ на землѣ,

когда ты женишься... Да, братъ, ты ужь согласишься, что тебѣ бы хотѣлось, чтобъ у меня, на-примѣръ, твоего лучшаго друга, стало вдругъ тысячь сто капитала; чтобъ всѣ враги, какіе ни есть на свѣтѣ, вдругъ бы, ни съ того, ни съ сего, помирились, чтобъ всѣ они обнялись среди улицы отъ радости, и потомъ сюда къ тебѣ на квартиру, пожалуй, въ гости пришли. Другъ мой! милый мой! я не смѣюсь, это такъ; ты ужь давно мнѣ все почти такое же въ разныхъ видахъ представлялъ. Потому-что ты счастливъ, ты хочешь, чтобъ всѣ, рѣшительно всѣ сдѣлались разомъ счастливыми. Тебѣ больно, тяжело одному быть счастливымъ! Потому ты хочешь сейчасъ всѣми силами быть достойнымъ этого счастья, и, пожалуй, для очистки совѣсти сдѣлать подвигъ какой-нибудь! Ну, я и понимаю, какъ ты готовъ себя мучить за то, что тамъ, гдѣ бы нужно было показать свое радѣніе, умѣнье... ну, пожалуй, благодарность, какъ ты говоришь, ты вдругъ манкировалъ! Тебѣ ужасно горько при мысли, что Юліанъ Мастаковичъ поморщится и даже разсердится, когда увидитъ, что ты не оправдалъ надеждъ, которыя онъ возложилъ на тебя. Тебѣ больно думать, что ты услышишь упреки отъ того, кого считаешь своимъ благодѣтелемъ — и въ какую минуту! Когда у тебя радостью переполнено сердце и когда ты не знаешь, на кого излить свою благодарность... Вѣдь такъ, не правда ли? Вѣдь такъ?

Аркадій Ивановичъ, у котораго дрожалъ голосъ оканчивая, замолчалъ и перевелъ духъ.

Вася смотрѣлъ съ любовью на своего друга. Улыбка скользила по губамъ его.

Даже какъ-будто ожиданіе надежды оживило лицо его.

— Ну, такъ слушай же, началъ снова Аркадій, еще болѣе вдохновенный надеждою; — такъ и не нужно, чтобъ Юліанъ Мастаковичъ измѣнилъ къ тебѣ свою благосклонность. Такъ ли, голубчикъ мой? въ этомъ вопросъ? А коль въ этомъ, такъ я же — сказалъ Аркадій, вскочивъ съ мѣста: — я же пожертвую собой для тебя. Я завтра ѣду къ Юліану Мастаковичу... И не противорѣчь мнѣ! Ты, Вася, свой проступокъ до преступленья возводишь. А онъ, Юліанъ Мастаковичъ, великодушень и милосердъ, да къ-тому же, не таковъ, какъ ты! Онъ, братъ Вася, насъ съ тобой выслушаетъ и изъ бѣды вывезетъ. Ну! спокоенъ ли ты?

Вася со слезами на глазахъ сжалъ руку Аркадія.

— Полно, Аркадій, полно, сказалъ онъ: — дѣло рѣшеное. Ну, я не кончилъ, ну и хорошо; не кончилъ, такъ не кончилъ. И тебѣ ходить не нужно: я самъ все расскажу, самъ пойду. Я теперь успокоился, я совершенно спокоенъ; только ты не ходи... Да послушай.

— Вася, дорогѣй ты мой! вскричалъ въ радости Аркадїй Ивановичъ: — я по твоимъ словамъ говорилъ; я радъ, что ты одумался и оправился. Но что бы съ тобой ни было, что бы ни случилось, я при тебѣ, это помни! Я вижу, тебя терзаетъ то, чтобъ я не говорилъ ничего Юліану Мастаковичу — и не скажу, ничего не скажу, ты самъ скажешь. Видишь ли: ты завтра пойдешь... или нѣтъ, ты не пойдешь, ты здѣсь будешь писать, понимаешь? а я тамъ узнаю, какое это дѣло, очень ли спѣшное или нѣтъ, нужно ли его къ сроку или нѣтъ, и если просрочишь, такъ что можетъ выйти изъ этого? Потомъ я къ тебѣ прибѣгу... Видишь, видишь! ужь есть надежда; ну, представь, что дѣло не спѣшное — вѣдь выиграть можно. Юліанъ Мастаковичъ можетъ не напомнить, и тогда все спасено.

Вася сомнительно покачалъ головою. Но благородный взоръ его не сходилъ съ лица друга.

— Ну, полно, полно! Я такъ слабъ, такъ усталъ, говорилъ онъ задыхаясь: — мнѣ и самому объ этомъ думать не хочется. Ну, поговоримъ о другомъ! Я, видишь ли, и писать, пожалуй, не буду теперь, а только такъ, двѣ странички только окончу, чтобъ дойти хоть до какой-нибудь точки. Послушай... я давно хотѣлъ спросить тебя: какъ это ты такъ хорошо меня знаешь?

Слезы капали изъ глазъ Васи на руки Аркадія.

— Еслибъ ты зналъ, Вася, до какой степени я люблю тебя, такъ ты бы не спросилъ этого — да!

— Дѣ, да, Аркадїй, я не знаю этого, потому... потому-что я не знаю, за что ты меня такъ полюбилъ! Дѣ, Аркадїй, знаешь ли, что даже твоя любовь меня убивала? Знаешь ли, что сколько разъ я, особенно ложась спать и думая объ тебѣ (потому-что и всегда думаю объ тебѣ, когда засыпаю), я обливался слезами и сердце мое дрожало отъ-того, отъ-того... Ну, отъ-того, что ты такъ любилъ меня, а я ни чѣмъ не могъ облегчить своего сердца, ничѣмъ тебя возблагодарить не могъ...

— Видишь, Вася, видишь, какой ты!.. Смотри, какъ ты разстроены теперь, говорилъ Аркадїй, у котораго душа изныла въ эту минуту и который вспомнилъ про вчерашнюю сцену на улицѣ.

— Полно; ты хочешь, чтобъ я успокоился, а я никогда еще не былъ такъ спокоенъ и счастливъ! Знаешь ли... Послушай, мнѣ бы хотѣлось тебѣ все рассказать, да я все боюсь тебя огорчить... Ты все огорчаешься и кричишь на меня; а я пугаюсь... смотри, какъ я дрожу теперь, я не знаю отъ-чего. Видишь ли, вотъ что мнѣ сказать хочется. Мнѣ кажется, не зналъ себя прежде — да! да и другихъ тоже вчера только узналъ. Я, братъ, не чувствовалъ, не цѣнилъ вполнѣ. Сердце... во мнѣ было черство... Слушай, какъ это случилось, что никому-то, никому я не

сдѣлалъ добра на свѣтѣ, потому-что сдѣлать не могъ — даже и видомъ-то я не пріятенъ... А всякой-то мнѣ дѣлалъ добро! Вотъ ты первый: развѣ я не вижу. Я только молчалъ, только молчалъ!

— Вася, полно!

— Что жъ, Аркаша! Что жъ!.. Я вѣдь ничего... прервалъ Вася, едва выговаривая слова отъ слезъ. — Я тебѣ говорилъ вчера про Юліана Мастаковича. И вѣдь самъ ты знаешь, онъ строгій, суровый такой, даже ты нѣсколько разъ на замѣчанье къ нему попадалъ, а со мной онъ вчера шутить вздумалъ, ласкать, и доброе сердце свое, которое передъ всѣми благо разумно скрываетъ, открылъ мнѣ...

— Ну, что жъ, Вася? Это только показываетъ, что ты достоинъ своего счастья.

— Ахъ, Аркаша! какъ бы мнѣ хотѣлось кончить это все дѣло!.. Нѣтъ, я сгублю свое счастье! У меня есть предчувствіе! да нѣтъ, не черезъ это, перебилъ Вася, за тѣмъ, что Аркадій покосился на сто-пудовое, спѣшное дѣло, лежавшее на столѣ: — это ничего, это бумага писаная... вздоръ! Это дѣло рѣшеное... я... Аркаша, былъ сегодня тамъ, у нихъ... я вѣдь не входилъ. Мнѣ тяжело было, горько! Я только просто-ялъ у дверей. Она играла на фортепьяно, я слушалъ. Видишь, Аркадій, сказалъ онъ, понижая голосъ: — я не посмѣлъ войти...

— Послушай, Вася, что съ тобой? ты такъ на меня смотришь?

— Чтò? ничего! мнѣ немного дурно; ноги дрожатъ; это отъ-того, что я ночью сидѣлъ. Да! у меня въ глазахъ зеленѣетъ. У меня здѣсь, здѣсь...

Онъ показалъ на сердце. Съ нимъ сдѣлался обморокъ.

Когда онъ пришелъ въ себя, Аркадій хотѣлъ принять насильственные мѣры. Онъ хотѣлъ уложить его насильно въ постель. Вася не согласился ни за что. Онъ плакалъ, ломалъ себѣ руки, хотѣлъ писать, хотѣлъ непремѣнно докончить свои двѣ страницы. Чтобъ не разгорячить его, Аркадій допустилъ его до бумагъ.

— Видишь, сказалъ Вася, усаживаясь на мѣсто: — видишь, и у меня идея пришла, есть надежда.

Онъ улыбнулся Аркадію, и блѣдное лицо его дѣйствительно какъ-будто оживилось лучомъ надежды.

— Вотъ чтò: я понесу ему послѣ завтра не все. Про остальное солгу, скажу, что сгорѣло, что подмокло, что потерялъ... что, наконецъ, ну, не кончилъ; я лгать не могу. Я самъ объясню — знаешь чтò? я объясню ему все; я скажу: такъ и такъ, не могъ... я расскажу ему про любовь мою; онъ же самъ недавно женился, онъ пойметъ меня! Я сдѣлаю это все, разумѣется, почтительно, тихо; онъ увидитъ слезы мои, онъ тронется ими...

— Да, разумѣется, поди, поди къ нему, объяснись... да тутъ и слезъ не нужно! изъ чего? Право, Вася, ты и меня совсѣмъ запугалъ.

— Да, я пойду, пойду. А теперь дай мнѣ писать, дай мнѣ писать, Аркаша. Я никого не трону, дай мнѣ писать!

Аркадій бросился на постель. Онъ не довѣрялъ Васѣ, рѣшительно не довѣрялъ. Вася былъ способенъ на все. Но просить прощенія, въ чемъ, какъ? Дѣло было не въ томъ. Дѣло было въ томъ, что Вася не исполнилъ обязанностей, что Вася чувствуетъ себя виноватымъ *самъ предъ собою*, чувствуетъ себя неблагодарнымъ къ судьбѣ, что Вася подавленъ, потрясенъ счастьемъ и считаетъ себя его недостойнымъ, что, наконецъ, онъ отыскалъ себѣ только предлогъ повихнуть на эту сторону, а что со вчерашняго дня еще не опомнился отъ своей неожиданно-сти; вотъ что такое! подумалъ Аркадій Ивановичъ. Нужно спасти его. Нужно помирить его съ самимъ-собою. Онъ самъ себя отпѣваетъ. — Онъ думалъ-думалъ, да и рѣшилъ немедленно идти къ Юліану Мастаковичу, завтра же идти и рассказать ему все.

Вася сидѣлъ и писалъ. Измученный Аркадій Ивановичъ прилегъ, чтобъ пораздумать о дѣлѣ опять, и проснулся передъ разсвѣтомъ.

— Ай, чортъ! опять! закричалъ онъ, посмотрѣвъ на Васю; тотъ сидѣлъ и писалъ.

Аркадій бросился къ нему, обхватилъ его и насильно уложилъ въ постель. Вася улыбался: глаза его смыкались отъ слабости. Онъ едва могъ говорить.

— Я и самъ хотѣлъ лечь, сказалъ онъ. — Знаешь, Аркадій, у меня есть идея: я кончу. Я *ускорилъ* перо! Дальше сидѣть я былъ неспособенъ; разбуди меня въ восемь часовъ.

Онъ не договорилъ и заснулъ какъ убитый.

— Мавра! шопотомъ сказалъ Аркадій Ивановичъ Маврѣ, вносившей чай: — онъ просилъ разбудить его черезъ часъ. Ни подъ какимъ видомъ! пусть спитъ, хоть десять часовъ, понимаешь?

— Понимаю, баринъ, батюшка.

— Обѣдать не готовь, съ дровами не возись, не шуми, бѣда тебѣ! Коли спросить меня, скажи, что я въ должность ушелъ, понимаешь?

— Понимаю-ста, батюшка, баринъ; пусть поживаетъ въ волю, что мнѣ! Я рада барскому сну; и барское добро берегу. А намедни, что чашку разбила и попрекать изволили, такъ это не я, это кошка-машка разбила, а я не догляди за ней; брысь, говорю, проклятая!

— Тсс, молчи, молчи!

Аркадій Ивановичъ выпроводилъ Мавру въ кухню, потребовалъ ключъ и заперъ ее тамъ на замѣкъ. Потомъ пошелъ на службу. Дорогою онъ раздумывалъ, какъ бы ему предстать къ Юліану Мастаковичу, и

ловко ли и не дерзко ли будетъ? Въ должность пришелъ онъ съ робостью, и робко освѣдомился, тутъ ли его превосходительство; отвѣтили, что нѣтъ, да и не будетъ. Аркадій Ивановичъ мигомъ хотѣлъ идти къ нему на квартиру, но весьма-кстати сообразилъ, что если Юліанъ Мастаковичъ не пріѣхалъ, такъ, стало-быть, занятъ и дома. Онъ остался. Часы казались ему нескончаемыми. Подъ-рукою онъ вывѣдывалъ о дѣлѣ, порученномъ Шумкову. Но никто не зналъ ничего. Знали только, что Юліанъ Мастаковичъ изволилъ занимать его особыми порученіями — какими, не зналъ никто. Наконецъ, пробило три часа, и Аркадій Ивановичъ бросился домой. Въ прихожей остановилъ его одинъ писарь и сказалъ, что Василій Петровичъ Шумковъ приходилъ, этакъ будетъ въ первомъ часу, и спрашивалъ, прибавилъ писарь: тутъ ли вы и не былъ ли тутъ Юліанъ Мастаковичъ. Услышавъ это, Аркадій Ивановичъ нанялъ извозчика и доѣхалъ домой внѣ себя отъ испуга.

Шумковъ былъ дома. Онъ ходилъ по комнатѣ чрезвычайно— взволнованный. Взглянувъ на Аркадія Ивановича, онъ какъ-будто тотчасъ оправился, одумался и поспѣшилъ скрыть свое волненіе. Онъ молча сѣлъ за бумаги. Казалось, онъ избѣгалъ вопросовъ своего друга, тяготился ими, самъ задумалъ кое-что про себя и уже рѣшился не открывать своего рѣшенія, за тѣмъ, что и на дружбу болѣе нельзя положиться. Это поразило Аркадія, и сердце его изныло отъ тяжелой, пронзительной боли. Онъ сѣлъ на кровать и развернулъ какую-то книжонку, единственную, бывшую въ его обладаніи, а самъ не спускалъ глазъ съ бѣднаго Васи. Но Вася упорно молчалъ, писалъ и не подымалъ головы. Такъ прошло нѣсколько часовъ, и мученія Аркадія возрасли до послѣдней степени. Наконецъ, часу въ одиннадцатомъ, Вася поднялъ голову, и тупымъ, неподвижнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Аркадія. Аркадій ждалъ. Прошло двѣ, три минуты; Вася молчалъ. «Вася!» крикнулъ Аркадій. Вася не далъ отвѣта. «Вася!» повторилъ онъ, вскочивъ съ кровати: «Вася, чтó съ тобой? чтó ты?» закричалъ онъ, подбѣгая къ нему. Вася поднялъ голову и опять посмотрѣлъ на него тѣмъ же тупымъ, неподвижнымъ взглядомъ. «На него столбнякъ нашелъ!» подумалъ Аркадій, весь дрожа отъ испуга. Онъ схватилъ графинъ съ водой, приподнялъ Васю, налилъ ему воды на голову, намочилъ виски, теръ руки въ своихъ рукахъ — и Вася очнулся. «Вася, Вася!» кричалъ Аркадій, заливаясь слезами, не удерживаясь болѣе: — «Вася, не губи себя, вспомни! вспомни!..» Онъ не договорилъ и горячо сжималъ его въ своихъ объятіяхъ. Какое-то тягостное ощущеніе прошло по всему лицу Васи; онъ теръ себѣ лобъ и схватился за голову, словно боясь, что она разлетится.

— Не знаю, чтó это со мною, проговорилъ онъ наконецъ: — я, кажется, надорвался. Ну, хорошо, хорошо! Полно, Аркадій, не печалься;

полно! повторялъ онъ, смотря на него грустнымъ, изнеможеннымъ взглядомъ: — чего беспокоиться? полно! — Ты же, ты же меня утѣшаешь, закричалъ Аркадій, у котораго разрывалось сердце. — Вася, сказалъ онъ наконецъ: — прилягъ, засни немножко, что? Не мучь себя понапрасну! Лучше потомъ опять сядешь работать!

— Да, да! повторялъ Вася: — изволь! я лягу; хорошо; да! видишь ли, я хотѣлъ кончить, а теперь раздумалъ, да... — И Аркадій утащилъ его на постель.

— Слушай, Вася, сказалъ онъ твердо: — нужно окончательно рѣшить это дѣло! Скажи мнѣ, что ты задумалъ?

— Ахъ! сказалъ Вася, махнувъ ослабѣвшей рукой и повернувъ на другую сторону голову.

— Полно, Вася, полно! рѣшись! Я не хочу быть убійцей твоимъ; я не могу больше молчать. Ты не заснешь, коль не рѣшишься, я знаю.

— Какъ хочешь, какъ хочешь, загадочно повторилъ Вася.

— Сдается! подумалъ Аркадій Ивановичъ.

— Послѣдуй мнѣ, Вася, сказалъ онъ: — вспомни, что я говорилъ, и я спасу тебя завтра; завтра я рѣшу твою участь! Что я говорю, участь! Ты такъ напугалъ меня, Вася, что я самъ толкую твоими словами. Какая участь! Просто вздоръ, пустяки! Тебѣ не хочется потерять расположеніе, любовь, если хочешь, Юліана Мастаковича, да! и не потеряешь, увидишь... Я...

Аркадій Ивановичъ еще долго бы говорилъ, но Вася прервалъ его. Онъ приподнялся на постели, молча обвилъ обѣими руками шею Аркадія Ивановича и поцаловалъ его.

— Довольно! сказалъ онъ слабымъ голосомъ: — довольно! полно объ этомъ!

И онъ снова повернулъ къ стѣнѣ свою голову.

— Боже мой! думалъ Аркадій: — Боже мой! что съ нимъ? Онъ совсѣмъ потерялся; на что онъ рѣшился такое? Онъ погубить себя.

Аркадій смотрѣлъ на него въ отчаяніи.

— Еслибъ онъ заболѣлъ, думалъ Аркадій: — можетъ-быть, лучше бы было. Съ болѣзнью прошла бы и забота, а тамъ можно бы отличнымъ образомъ уладить все дѣло. Но что я вру! Ахъ, Создатель мой!..

Между-тѣмъ, Вася какъ-будто задремалъ. Аркадій Ивановичъ обрадовался. Добрый знакъ! думалъ онъ. Онъ рѣшился сидѣть надъ нимъ всю ночь. Но самъ Вася былъ неспокоенъ. Онъ поминутно вздрагивалъ, метался на постели и на мгновеніе открывалъ глаза. Наконецъ, утомленіе взяло верхъ; казалось, онъ заснулъ какъ убитый. Было около двухъ часовъ утра; Аркадій Ивановичъ задремалъ на стулѣ, облокотясь локтемъ на васинъ столъ.

Сонъ его былъ тревоженъ и страненъ. Ему все казалось, что онъ не спитъ и что Вася по-прежнему лежитъ на постели. Но, странное дѣло! Ему казалось, что Вася притворяется, что онъ даже обманываетъ его и вотъ-вотъ встаетъ потихоньку, наблюдая его въ пол-глаза, и крадется за письменный столъ. Жгучая боль захватывала сердце Аркадія; ему было и досадно, и грустно, и тяжело видѣть Васю, который не довѣряетъ ему, таится отъ него и кроется. Онъ хотѣлъ обхватить его, закричать, унести на кровать... Тогда Вася вскрикивалъ у него на рукахъ, и онъ уносилъ на постель одинъ бездыханный трупъ. Холодный потъ проступалъ на лбу Аркадія, сердце его страшно билось. Онъ открылъ глаза и проснулся. Вася сидѣлъ передъ нимъ за столомъ и писалъ.

Не довѣряя чувствамъ своимъ, Аркадій взглянулъ на постель: тамъ не было Васи. Аркадій вскочилъ въ испугъ, еще подъ вліяніемъ своихъ сновидѣній. Вася не шелохнулся. Онъ все писалъ. Вдругъ Аркадій съ ужасомъ замѣтилъ, что Вася водить по бумагѣ сухимъ перомъ, перевертываетъ совсѣмъ-бѣлыя страницы и спѣшитъ, спѣшитъ наполнить бумагу, какъ-будто онъ дѣлаетъ отличнѣйшимъ и успѣшнѣйшимъ образомъ дѣло! «Нѣтъ, это не столбнякъ!» подумалъ Аркадій Ивановичъ и затрясся всѣмъ тѣломъ. «Вася, Вася! откликнись же мнѣ!» закричалъ онъ, схвативъ его за плечо. Но Вася молчалъ и по-прежнему продолжалъ строчить сухимъ перомъ по бумагѣ.

— Наконецъ, я *ускорилъ* перо, проговорилъ онъ, не подымая головы на Аркадія.

Аркадій схватилъ его за руку и вырвалъ перо.

Стонъ вырвался изъ груди Васи. Онъ опустилъ руку и поднялъ глаза на Аркадія, потомъ съ томительно-тоскливымъ чувствомъ провелъ рукою по лбу, какъ-будто желая снять съ себя какой-то тяжелый, свинцовый грузъ, налегшій на все существо его, и тихо, какъ-будто въ раздумьи, опустилъ на грудь голову.

— Вася, Вася! кричалъ Аркадій Ивановичъ въ отчаяніи: — Вася!

Черезъ минуту, Вася посмотрѣлъ на него. Слезы стояли въ его большихъ голубыхъ глазахъ, и блѣдное, кроткое лицо его выразило безконечную муку... Онъ что-то шепталъ.

— Чтò, чтò? закричалъ Аркадій, наклоняясь къ нему.

— За чтò же, за чтò меня? шепталъ Вася: — за чтò? Что я сдѣлалъ?

— Вася! чтò ты? чего ты боишься, Вася? чего? закричалъ Аркадій, ломая руки въ отчаяньи.

— За чтò жъ меня въ солдаты-то отдавать? сказалъ Вася, посмотрѣвъ прямо въ глаза своего друга: — за чтò? чтò я сдѣлалъ?

Волосы встали дыбомъ на головѣ Аркадія; онъ не хотѣлъ вѣрить. Онъ стоялъ надъ нимъ, какъ убитый.

Черезъ минуту, онъ опомнился: это такъ, это минутное! говорилъ онъ про себя, весь блѣдный, съ дрожащими, посинѣлыми губами, и бросился одѣваться. Онъ хотѣлъ бѣжать прямо за докторомъ. Вдругъ Вася кликнулъ его; Аркадій бросился на него и обнялъ его, какъ мать, у которой отнимаютъ родное дитя...

— Аркадій, Аркадій, не говори никому! слышишь; моя бѣда! Пусть я одинъ и несу...

— Что ты? что ты? опомнись, Вася, опомнись!

Вася вздохнулъ, и тихія слезы заструились по щекамъ его.

— За что же ее убивать? чѣмъ же она, чѣмъ же она виновата!.. проворчалъ онъ мучительнымъ, раздирающимъ душу голосомъ: — мой грѣхъ, мой грѣхъ!..

Онъ замолчалъ на минуту.

— Прощай, моя любя! Прощай, моя любя! шепталъ онъ, качая бѣдной своей головою. Аркадій вздрогнулъ, очнулся и хотѣлъ броситься за докторомъ. — Идемъ! пора! закричалъ Вася, увлекшись послѣднимъ движеніемъ Аркадія. — Идемъ, братъ, идемъ; я готовъ! Ты меня проводи! — Онъ замолчалъ и взглянулъ на Аркадія убитымъ, недовѣрчивымъ взглядомъ.

— Вася, не ходи за мной, ради Бога! подожди меня здѣсь. Я сейчасъ, сейчасъ ворочусь къ тебѣ, говорилъ Аркадій Ивановичъ, самъ теряя голову и схвативъ фуражку, чтобъ бѣжать за докторомъ. Вася усѣлся тотчасъ; онъ былъ тихъ и послушенъ, только въ глазахъ его сіяла какая-то отчаянная рѣшимость. Аркадій воротился, схватилъ со стола разогнутый перочинный ножичекъ, послѣдній разъ взглянулъ на бѣднягу и выбѣжалъ изъ квартиры.

Былъ восьмой часъ. Свѣтъ уже давно разогналъ сумерки въ комнатѣ.

Онъ не нашелъ никого. Онъ бѣгалъ уже цѣлый часъ. Всѣ доктора, адреса которыхъ узнавалъ онъ у дворниковъ, навѣдываясь, не живетъ ли хоть какой-нибудь докторъ въ домѣ, уже уѣхали, кто по службѣ, кто по своимъ дѣламъ. Былъ одинъ, который принималъ пациентовъ. Онъ долго и подробно спрашивалъ слугу, доложившаго, что пришелъ Нефедевичъ: отъ кого, кто и какъ, по какой надобности и какъ даже будетъ примѣтами ранній проситель? — и заключилъ тѣмъ, что нельзя, дѣла много и ѣхать не можетъ, а что такого рода больныхъ нужно въ больницу везти.

Тогда убитый, потрясенный Аркадій, никакъ неожиданный подобной развязки, бросилъ все, всѣхъ докторовъ на свѣтѣ, и пустился домой,

въ послѣдней степени испуга за Васю. Онъ вбѣжалъ въ квартиру. Мавра, какъ ни въ чемъ не бывала, мела полъ, ломала лучинки и готовилась печь топить. Онъ въ комнату — Васи и слѣдъ простылъ: онъ ушелъ со двора.

— Куда? гдѣ? куда побѣжить несчастный? подумалъ Аркадій, леденѣя отъ ужаса. Онъ началъ допрашивать Мавру. Та ничего не знала, не вѣдала, да и не слыхала, какъ вышелъ, прости его Господи! Нефедевичъ бросился къ коломенскимъ.

Ему Богъ-знаетъ отъ-чего пришло на мысль, что онъ тамъ.

Былъ уже десятый часъ, какъ онъ пріѣхалъ туда. Тамъ его не ждали, ничего не знали, не вѣдали. Онъ стоялъ передъ ними испуганный, разстроенный, и спрашивалъ, гдѣ Вася? У старухи подломились ноги; она рухнулась на диванъ. Лизанька, вся дрожа отъ испуга, начала спрашивать о случившемся. Чтò было говорить? Аркадій Ивановичъ отдѣлался на-скоро, выдумалъ какую-то басню, которой, разумѣется, не повѣрили, и убѣжалъ, оставивъ всѣхъ потрясенными, измученными. Онъ бросился въ свое вѣдомство, чтобъ по-крайней-мѣрѣ не опоздать и дать знать туда, чтобъ поскорѣе приняли мѣры. Дорогою ему вздумалось, что Вася у Юліана Мастаковича. Это было вѣрнѣе всего: Аркадій прежде всего, прежде коломенскихъ подумалъ объ этомъ. Проѣзжая мимо дома его превосходительства, онъ хотѣлъ остановиться, но тотчасъ же велѣлъ продолжать путь далѣе. Онъ рѣшился попытаться узнать, нѣтъ ли чего въ вѣдомствѣ, и потомъ, какъ ужъ тамъ не найдетъ, явиться къ его превосходительству, по-крайней-мѣрѣ въ качествѣ рапортующаго объ Васѣ. Кому-нибудь нужно же было рапортовать!

Еще въ пріемной окружили его товарищи помоложе, всѣ большею частію ему равные чиномъ, и въ одинъ голосъ стали спрашивать, чтò сдѣлалось съ Васей? Всѣ они въ то же время говорили, что Вася съ ума сошелъ, и помѣшался на томъ, что его въ солдаты хотятъ отдать за неисправное исполненіе дѣла. Аркадій Ивановичъ отвѣчалъ на всѣ стороны, или, лучше сказать, не отвѣчая положительно никому, стремился во внутренніе покои. На дорогѣ узналъ онъ, что Вася въ кабинетѣ Юліана Мастаковича, что туда всѣ пошли, и что Эсперъ Ивановичъ тоже туда пошелъ. Онъ было-пріостановился. Кто-то изъ старшихъ спросилъ его, куда онъ и что ему надо? Не отличивъ лица, онъ проговорилъ что-то объ Васѣ и пошелъ прямо въ кабинетъ. — Оттуда уже слышался голосъ Юліана Мастаковича. — Куда вы? спросилъ его кто-то у самыхъ дверей. Аркадій Ивановичъ почти потерялся; онъ уже хотѣлъ— было воротиться, но изъ-за пріотворенной двери увидѣлъ своего бѣднаго Васю. Онъ отворилъ и протѣснился кое-какъ въ комнату. Тамъ царствовала суматоха и недоумѣніе, за тѣмъ, что Юліанъ Мастаковичъ былъ,

повидимому, въ сильномъ огорченіи. Около него стояли всѣ, кто поважнѣе, толковали и не рѣшили ровно ничего. Поодаль стоялъ Вася. Все замерло въ груди Аркадія, когда онъ взглянулъ на него. Вася стоялъ блѣдный, съ поднятой головой, вытянувшись въ нитку, какъ рекрутъ передъ новымъ начальствомъ, сплотивъ ноги и опустивъ руки по швамъ. Онъ глядѣлъ прямо въ глаза Юліану Мастаковичу. Тотчасъ замѣтили Нефедевича, и кто-то, знавшій, что они сожители, доложилъ о томъ его превосходительству. Аркадія подвели. Онъ хотѣлъ что-то отвѣтить на предложенные вопросы, взглянулъ на Юліана Мастаковича и, видя, что на лицѣ его изобразилась истинная жалость, затрясся и зарыдалъ какъ ребенокъ. Онъ даже сдѣлалъ болѣе: бросился, схватилъ руку начальника и поднесъ къ глазамъ своимъ, омывая ее слезами, такъ-что даже самъ Юліанъ Мастаковичъ принужденъ былъ отнять ее наскоро, махнуть ею по воздуху и сказать: «ну, полно, братъ, полно; вижу, что у тебя доброе сердце». Аркадій рыдалъ и бросалъ на всѣхъ умоляющіе взгляды. Ему казалось, что всѣ братья его бѣдному Васѣ, что всѣ они тоже терзаются и плачутъ объ немъ. «Кáкъ же это, какъ же это съ нимъ сдѣлалось?» говорилъ Юліанъ Мастаковичъ: «отъ-чего же онъ съ ума сошелъ?»

— Отъ бла-благо-дарности! могъ только выговорить Аркадій Ивановичъ.

Всѣ выслушали отвѣтъ его въ недоумѣніи, и всѣмъ показалось страннымъ и невѣроятнымъ: кáкъ же это такъ можетъ изъ благодарности сойдти съ ума человѣкъ? Аркадій объяснился, какъ умѣлъ.

— Боже, какъ жаль! проговорилъ наконецъ Юліанъ Мастаковичъ: и дѣло-то, порученное ему, было неважное и вовсе неспѣшное. Такъ-таки, ни изъ-за чего, погибъ человѣкъ! Что жъ, отвести его!.. Тутъ Юліанъ Мастаковичъ обратился снова къ Аркадію Ивановичу и снова началъ его спрашивать: онъ просить, сказалъ онъ, указавъ на Васю, чтобъ не говорили объ этомъ какой-то дѣвушкѣ; чтó она, невѣста, чтó ли его?

Аркадій сталъ объяснять. Между-тѣмъ, Вася какъ-будто думалъ о чемъ-то, какъ-будто съ величайшимъ напряженіемъ припоминалъ одну важную, нужную вещь, которая вотъ именно теперь бы и пригодилась. Порой онъ страдальчески поводилъ глазами, какъ-будто надѣясь, что кто-нибудь напомнитъ ему про то, чтó забылъ онъ. Онъ устремился глазами на Аркадія. Наконецъ, вдругъ, какъ-будто надежда блеснула въ глазахъ его, онъ двинулся съ мѣста съ лѣвой ноги, ступилъ три шага какъ только могъ ловче и даже пристукнулъ правымъ сапогомъ, какъ дѣлаютъ солдаты, подойдя къ подозвавшему ихъ офицеру. Всѣ ожидали, чтó будетъ.

— Я съ тѣлеснымъ недостаткомъ, ваше превосходительство, слабосиленъ и малъ, не гожусь на службу, сказалъ онъ отрывисто.

Тутъ всѣ, кто ни были въ комнатѣ, всѣ почувствовали, какъ-будто кто-нибудь сжалъ имъ сердце, и даже, какъ ни твердъ былъ характеромъ Юліанъ Мастаковичъ, но слеза потекла изъ глазъ его. «Уведите его», сказалъ онъ, махнувъ рукою.

— Лобъ! сказалъ Вася въ-полголоса, повернулся налѣво кругомъ и вышелъ изъ комнаты. За нимъ бросились всѣ, кого интересовала его участь. Аркадій тѣснился за прочими. Васю усадили въ пріемной въ ожиданіи предписанія и кареты, чтобъ отвезти его въ больницу. Онъ сидѣлъ молча и былъ, казалось, въ чрезвычайной заботѣ. Кого узнавалъ, тому кивалъ головою, какъ-будто прощаясь съ нимъ. Онъ поминутно оглядывался на дверь и готовился, когда скажутъ: «пора». Кругомъ его столпился тѣсный кружокъ; всѣ покачивали головами, всѣ сѣтовали. Многихъ поразила его исторія, которая уже вдругъ сдѣлалась извѣстною; одни разсуждали, другіе жалѣли и хвалили Васю, говорили, что былъ такой скромный, тихій молодой человѣкъ, что обѣщалъ такъ много; разсказывали, какъ онъ старался учиться, былъ любознателенъ, стремился образовать себя. «Собственными силами вышелъ изъ низкаго состоянія!» замѣтилъ кто-то. Съ умиленіемъ говорили о привязанности къ нему его превосходительства. Нѣкоторые пустились объяснять, почему именно пришло въ голову Васѣ, и онъ на томъ помѣшался, что его отдадутъ въ солдаты за то, что не кончилъ работы. Говорили, что бѣднякъ недавно изъ податнаго званія, и только по ходатайству Юліана Мастаковича, умѣвшаго отличить въ немъ талантъ, послушаніе и рѣдкую кротость, получилъ первый чинъ. Однимъ словомъ, очень-много было разныхъ толковъ и мнѣній. Въ особенности, изъ потрясенныхъ, замѣтенъ былъ одинъ, очень-маленькій ростомъ, сослуживецъ Васи Шумкова. И не то, чтобы такъ былъ совсѣмъ молодой человѣкъ, а примѣрно лѣтъ уже тридцати. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, дрожалъ всѣмъ тѣломъ и какъ-то странно улыбался — можетъ-быть, потому-что всякое скандалѣзное дѣльцо или ужасная сцена и пугаетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-то нѣсколько радуется посторонняго зрителя. Онъ поминутно обѣгалъ весь кружокъ, обступившій Шумкова, и такъ-какъ былъ малъ, то становился на ципочки, хваталъ за пуговицу встрѣчнаго и поперечнаго, т. е. изъ тѣхъ, кого имѣлъ право хватать, и все говорилъ, что онъ знаетъ, отъ-чего это все, что это не то, чтобы простое, а довольно-важное дѣло, что такъ оставить нельзя; потомъ опять становился на ципочки, нашептывалъ на ухо слушателю, опять кивалъ раза два головою и снова перебѣгалъ далѣе. Въ своемъ кружкѣ онъ слылъ за отчаяннаго вольнодумца. Наконецъ, кончилось все: явился сторожъ, фельдшеръ изъ больницы, подошли къ Васѣ и сказали ему, что пора ѣхать. Онъ вскочилъ, засуетился и пошелъ съ ними, оглядываясь кру-

гомъ. Онъ искалъ кого-то глазами! «Вася! Вася!» закричалъ рыдая Аркадій Ивановичъ. Вася остановился, и Аркадій таки-протѣснился къ нему. Они бросились въ послѣдній разъ другъ другу въ объятія и тяжело сжали другъ друга... Грустно было ихъ видѣть. Какое химерическое несчастіе вырывало слезы изъ глазъ ихъ! объ чемъ они плакали? гдѣ эта бѣда? зачѣмъ они не понимали другъ друга?..

— На, на, возьми! сбереги это, говорилъ Шумковъ, всовывая какую-то бумажку въ руку Аркадія. — Они у меня унесутъ. Принеси мнѣ потомъ, принеси; сбереги... Вася не договорилъ, его кликнули. Онъ поспѣшно сбѣжалъ съ лѣстницы, кивая всѣмъ головою, прощаясь со всѣми. Отчаяніе было на лицѣ его. Наконецъ, усадили его въ карету и повезли. Аркадій поспѣшно развернулъ бумажку: это былъ локонъ черныхъ волосъ Лизы, съ которыми не разставался Шумковъ. Горячія слезы брызнули изъ глазъ Аркадія. «Ахъ, бѣдная Лиза!»

По окончаніи служебнаго времени, онъ пошелъ къ коломенскимъ. Нечего говорить, чтó тамъ было! Даже Петя, малютка Петя, не совсѣмъ понявшій, чтó сдѣлалось съ добрымъ Васей, зашелъ въ уголъ, закрылся ручонками и зарыдалъ во сколько стало его дѣтскаго сердца. Были уже полныя сумерки, когда Аркадій возвращался домой. Подойдя къ Невѣ, онъ остановился на минуту и бросилъ пронзительный взглядъ вдоль рѣки въ дымную, морозно-мутную даль, вдругъ заалѣвшую послѣднимъ пурпуромъ кровавой зари, догоравшей въ мгляномъ небосклонѣ. Ночь ложилась надъ городомъ, и вся необъятная, вспухшая отъ замерзшаго снѣга, поляна Невы, съ послѣднимъ отблескомъ солнца, осыпалась безконечными мириадами искръ иглистаго инея. Становился морозъ въ двадцать градусовъ. Мерзлый паръ валилъ съ загнанныхъ на-смерть лошадей, съ бѣгущихъ людей. Сжатый воздухъ дрожалъ отъ малѣйшаго звука и, словно, великаны со всѣхъ кровель обѣихъ набережныхъ подымались и неслись вверхъ по холодному небу столпы дыма, сплетаясь и расплетаясь въ дорогѣ, такъ-что, казалось, новыя зданія вставали надъ старыми, новый городъ складывался въ воздухѣ... Казалось, наконецъ, что весь этотъ міръ, со всѣми жильцами его, сильными и слабыми, со всѣми жилищами ихъ, пріютами нищихъ, или раззолоченными палатами — отрадой сильныхъ міра сего, въ этотъ сумеречный часъ походитъ на фантастическую, волшебную грезу, на сонъ, который въ свою очередь тотчасъ исчезнетъ и исcurится паромъ къ темно-синему небу. Какая-то странная дума посѣтила осиротѣлаго товарища бѣднаго Васи. Онъ вздрогнулъ, и сердце его какъ-будто облилось въ это мгновенье горячимъ ключомъ крови, вдругъ вскипѣвшей отъ прилива какого-то могучаго, но доселѣ незнакомаго ему ощущенія. Онъ какъ-будто только теперь понялъ всю эту тревогу и узналъ отъ-чего сошелъ съ ума его

бѣдный, не вынесшій своего счастья Вася. Губы его задрожали, глаза вспыхнули, онъ поблѣднѣлъ и какъ-будто прозрѣлъ во что-то новое въ эту минуту...

Онъ сдѣлался скученъ и угрюмъ и потерялъ всю свою веселость. Прежняя квартира стала ему ненавистна — онъ взялъ другую. Къ колומенскимъ идти онъ не хотѣлъ, да и не могъ. Черезъ два года, онъ встрѣтилъ Лизаньку въ церкви. Она была уже замужемъ; за нею шла мамка съ груднымъ ребенкомъ. Они поздоровались и долгое время избѣгали разговора о старомъ. Лиза сказала, что она, слава Богу, счастлива, что она не бѣдна, что мужъ ея добрый человекъ, котораго она любитъ... Но вдругъ, среди рѣчи, глаза ея наполнились слезами, голосъ упалъ, она отвернулась и склонилась на церковный помостъ, чтобъ скрыть отъ людей свое горе...